

ПАРФЮМЕР ЗВОНИТ ПЕРВЫМ

р о м а н

Авантюристка Таня

Садовникова разыскивает

друга, а находит нечто

ужасное. Роман издан в Европе

и экранизирован в России!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Авантюристка

Анна и Сергей Литвиновы
Парфюмер звонит первым

«ЭКСМО»

2005

Литвиновы А.

Парфюмер звонит первым / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2005 — (Авантюристка)

Авантюристка Таня Садовникова попала в новый переплет. А ведь как хорошо все начиналось!.. Она директор филиала рекламного агентства в Кострове; у нее намечился роман с местным олигархом – Глебом Пастуховым; сложились приятельские отношения с коллегой Леней Шагниным... Но в один день все круто меняется – Леня бесследно исчезает. А потом кто-то устраивает погром в офисе Тани: налетчики явно ищут какую-то информацию... И в тот же день от Лени приходит таинственное письмо, в котором он присылает жетончик из камеры хранения. Но Татьяню опередили: посылка исчезла. Разобраться в этой запутанной ситуации может только один человек – отчим Татьяны, отставной чекист Валерий Петрович Ходасевич. Он прилетает к любимой падчерице, и в тот же день на них совершается покушение... Остаться в городе – смерти подобно, однако Татьяна Садовникова не из тех, кто останавливается на полпути, бросает друга в беде, а тайну неразгаданной...

© Литвиновы А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна и Сергей Литвиновы

Парфюмер звонит первым

Пролог

Убегать из городка им было не впервой, но никогда они не забирались так далеко от дома.

Сашка уже и ныла, что устала, и канючила, что ногу стерла. Пришлось ему на нее прикрикнуть. И пригрозить, что отправит ее домой. Одну отправит. А сам пойдет дальше, как они сначала и договаривались, – до самого кургана с сокровищами.

После того как Валек на нее наорал, Сашка плелась сзади, нахмурясь и выпятив губы. Точь-в-точь на мать похожа, когда та злится. «Все-таки женщины – это низшая раса, правильно говорит отчим дядя Вова, – размышлял на ходу Валек. – Взять хотя бы Сашку. Сеструха, может, и посмелей других девчонок будет, а все равно слабый пол. Ужей боится, мышь увидит – визжит. И сегодня: условились ведь – мы отправляемся в экспедицию. До самого кургана, что бы ни случилось. Рюкзаки с собой взяли, запасы воды и продовольствия. И все равно: скисла, нюни распустила, домой просится. Нет, на девчонок, даже на самых надежных, все-таки полагаться нельзя».

– Скоро, скоро курган, – обернулся он к Сашке.

– Ты уже три раза говорил, что скоро, – пропищала та.

– Сейчас уже совсем рядом, вон за тем поворотом.

– Я пить хочу.

– Вот дойдем до места и сразу устроим привал, там и колы попьем, и пошамаем.

Слева от них тихо поплескивала широченная река, а вдали, на противоположном берегу, раскинулся в дымке белый город. Солнце уже повернуло на закат, сияло низко над городом, и тени от фигурок Валька и Сашки стали длинными.

А вот и заросли камышей. Ну, слава богу, считай, дошли. Курган рядом.

Река здесь резко поворачивала вправо, и из-за камышей не было видно, что там, впереди.

Валек сделал несколько шагов за поворот, и перед ним вдруг открылась картина, от вида которой он в досаде остановился. Сашка чуть не налетела на него и замерла в шаге сзади, за плечом.

Место на берегу рядом с курганом было занято. Да кем! С первого взгляда стало ясно, что не простыми туристами, а кое-кем иным. Похуже любых отдыхающих.

На самом берегу стояло два грузовика, крытые брезентом. А еще две легковушки, обе – иномарки. Около автомашин сустились люди. Много людей. Причем только мужчины. А один из них был одет в милицейскую форму. Все остальные щеголяли в камуфляже без знаков различия или в гражданском, однако при этом на плечах у некоторых висели автоматы.

– Атас, Санька, – прошептал Валек, но не двинулся с места. Ноги будто приросли к земле. Еще он успел заметить, что напротив грузовиков на середине реки стоит на якоре пароход и к нему плывет весельная лодка. В лодке сидят два человека и громоздятся какие-то ящики.

До машин и людей было рукой подать, всего метров пятьдесят.

– Тикаем, Санька, – шепотом скомандовал Валек и схватил сестру за руку.

Однако они не успели ни убежать, ни даже развернуться.

– А ну, стоять! – раздался грубый окрик совсем рядом, прямо из зарослей камыша.

Валек вздрогнул, а сестренка от неожиданности аж подпрыгнула.

Из камышей прямо на них выходил мужчина в высоких сапогах, одетый во все черное: черные джинсы и рубашку с длинными рукавами. Лицо его было очень бледным, а в вытянутой руке он держал пистолет. Дуло было направлено прямо на детей.

И вдруг на берегу, рядом с грузовиками, раздался звук глухого удара, как будто что-то тяжелое стукнулось о землю. И дети, и мужчина в черном непроизвольно повернули головы в сторону шума. Однако рука мужчины с зажатым в ней пистолетом при этом не дернулась, не повернулась вслед за направлением взгляда. Пистолет по-прежнему, как намагниченный, был направлен на Валька с Сашкой. И выстрелить он мог в любой момент.

Глава 1

Тремя месяцами ранее

Таня смаковала джин-тоник и умирала со скуки. Уже третий час в неудобном кресле самолета «Як-40». Да у нее просто спина отвалится, если они сейчас же не прилетят!

Будто в ответ на ее мысли, стюардесса пропела:

– Командир корабля включил табло «Пристегните ремни!». Мы готовимся к посадке...

Пассажиры радостно загудели – посадку ждали все и давно. И уже час, как начали выпивать «за скорый прилет».

– Ну, чтоб земля нам была пухом! – послышался чей-то неуместный тост.

Смех, кланье пластиковых стаканчиков, шиканье: «Чего несешь?»

– В смысле, за мягкую посадочку, – поправился тостующий.

Таня, хотя и не участвовала во всеобщем самолетном застолье, тоже пригубила любимого джина с тоником.

«Вот я и... где? – подумала она. – Полагается думать, что *дома*?»

Сосед по креслу, в нарушение всех правил, тыкал в кнопки мобильного телефона. Что удивительно, он дозвонился и проорал – видно, шоферу:

– Вован, мы снижаемся! Подгоняй тачилу ко входу! Слышь меня, ну?

«В любом *нормальном* самолете тебя бы на смех подняли, – мысленно возмутилась Татьяна. – Звонить, когда борт на посадку идет, – что, право, за бескультурье!»

И, словно старая бабка, сварливо додумала: «Но здесь бескультурье, похоже, стало нормой...» Ведь рейс, которым летела Татьяна, направлялся, увы, не в пижонскую Барселону, не в шалый Париж и даже не в интеллигентный Питер. И правила тут, похоже, действуют другие. Во всяком случае, стюардессы к ее попутчику не бегут, замечаний не делают...

– Ко вхо-ду, го-во-рю, подъезжай! – продолжал надрываться пассажир.

Потом раздосадованно шлепнул мобильник на колени:

– Отключился... Фуфлово работает.

– К трапу – было бы круче, – ехидно прокомментировала Татьяна.

– Чего? – не понял сосед.

– Машину не ко входу подогнать, а прямо к трапу.

Насмешки в ее голосе дежак не расслышал. Деловито пояснил:

– Не, трап мы только для понтов заказываем. Когда из Москвы с гостями летим. А для себя самого – чего зря тратиться?.. До выхода как-нибудь своими ногами дойду... Так че, милуся? Подшвырнуть тебя до центра нашей столицы?

«Подшвырнуть», «милуся»... Они в этом Кострове все, что ли, так говорят? Таня холодно посмотрела на соседа и отрезала:

– Спасибо, не нужно. За мной тоже пришлют машину.

И в очередной раз подумала: «Какую глупость я делаю!»

Еще один глоток джина с тоником. Бездумный взгляд в залепленный облаками иллюминатор. Самолет опустил нос и прибавил оборотов. Пора застегивать туфельки и подкрашивать губы.

* * *

Таня Садовникова только что рассталась с Москвой. Она улетала в провинциальный Костров. Надолго. По контракту на год, а по ощущениям – на ПМЖ. Неужели она будет жить в городе, где нет метро? Три настоящих кинотеатра? И только два драматических?

«Зато вокруг Кострова, говорят, изумительная природа, – утешала себя Таня. – И люди по улицам ходят неспешно, не несутся, всех сшибая, как в столице. И воздух нормальный, и народ, наверное, куда доброжелательней, чем у нас...»

Но ей все равно было как-то неуютно. Все-таки всю жизнь провела в Москве. И школа тут, и университет, и первые поцелуи на лавочках Гоголевского бульвара...

«Да что хорошего в нашей распрекрасной столице? – пыталась припомнить она. – Большой театр? Можно подумать, у меня было время в него ходить... Рестораны? Ну, в них я бывала – платила несметно, по триста рублей за жалкий салатик, – а потом все равно в пузе урчало... А Тверская – полная загорелых на всяких Ибицах горожан и обалдевших от московской суеты приезжих? Насквозь показушная улица. Магазины с сумасшедшими ценами, навязчивые нищие подле гламурных витрин, и чуть ли не драки за место на парковке... А в Кострове я, бог даст, наконец успокоюсь... Можно сказать, даже остепенюсь...»

Самолет выбрался из облаков. Таня уткнулась в иллюминатор. Снег здесь в отличие от Москвы уже сошел, и она с любопытством разглядывала поля, лесополосы, степи, прорезанные узкими, тоже не сравнить со столичными, дорогами.

– Лапуса, – затеребил ее сосед по креслу. – Ты зачем в Костров летишь, отдыхать?

– В командировку, – сухо ответила Татьяна.

– Надолго?

– На год.

Впрочем, Таня тут же пожалела о своей откровенности, потому что сосед немедленно засуетился:

– О, так ты мне телефончик-то свой тогда оставь, завидаемся, замутим чего-ничего...

– *Замутим*, говорите? – усмехнулась она. И твердо добавила: – Спасибо, нет.

– Гордая, значит... – недобро осклабился попутчик. – Как же, как же – столичная штучка, вас сразу видать...

– Я просто буду очень занята, – смягчила тон Таня.

– Понтов-то, понтов! – продолжал бушевать сосед. – Вся такая из себя крутая, не подступись, да? Смотри: у нас, в Кострове, тебе крылья-то быстро обломают!

Он отвернулся и стал остервенело всовывать ноги в ботинки. Пахло от ботинок плохо, и Таня постаралась задержать дыхание.

«М-да, первый контакт с *костровцем* у меня не сложился», – меланхолично подумала она.

* * *

У Тани Садовниковой в Москве имелось все, о чем положено мечтать: своя квартира, хорошая машина. Любимые мамочка и отчим. Друзья. Связи. Ну и по мелочи: проверенные косметолог с парикмахером, хороший спортивный клуб, *своя* лавочка у подножия Кремля, на которой сладко мечталось...

Не было только счастья. А счастье Таня понимала по-своему. Это когда утром просыпаясь и с нетерпением ждешь, чего хорошего тебе принесет новый день. Когда-то так здорово было – пить первую чашечку кофе и прикидывать: «Планов, как всегда, громадь: в десять и в час – переговоры с заказчиками, потом мозговой штурм по новому проекту и озвучка ролика,

а вечером – хорошо бы в спортклуб попасть, на танец живота или, если не успею, хотя бы в тренажерный зал...»

Переговоры, бывало, проходили склочно, мозговой штурм шел туго, актеры на озвучке говорили настолько дурными голосами, что хотелось подвывать, и до спортклуба Таня добиралась за полчаса до закрытия и совсем без сил. Но она все равно была счастлива. Потому что находилась в гуще жизни и чувствовала себя на своем месте. Коллеги ее уважали, начальник ценил – вот и работала она от души, с огоньком. Но в последний год все, увы, изменилось.

В рекламном агентстве «Пятая власть», где Татьяна была творческим директором, ей стало тесно. Во-первых, переросла она эту «власть», контору, работающую только с некрупными отечественными заказчиками, а во-вторых, отношения с шефом, директором генеральным, в последнее время не складывались. Шеф, Андрей Теплицын, никак не мог забыть и простить, что Таня, сама того не желая, *втянула его в историю*.¹

И Таня решила вернуться в «Ясперс энд бразерс». То самое рекламное агентство, где она работала раньше. Тем более что директор агентства, господин Брюс Маккаген, сам ей позволил.

– Вы разве берете назад перебежчиков? – удивленно спросила она.

– Обычно не берем, – вздохнул американец. – Но для ценных специалистов делаем исключение. Так что, по рукам?

– По рукам, – не стала ломаться она.

– Ну и отлично, – сразу повеселел «бывше-нынешний» шеф. – Завтра жду вас в офисе. Зарплатой не обижу.

...Назавтра Таня вышла на работу в «Ясперс энд бразерс», и Маккаген немедленно затребовал ее на ковер. Чаю-кофе выпить не предложил, и разговор повел странно – едва она успела сесть, вдруг спросил:

– Скажите, Татьяна, вы ведь по-прежнему не замужем?

– Бог миловал, – откликнулась Садовникова.

Странные босс задает вопросы – обычно-то в личную жизнь сотрудников он никогда, по-американски, не лез.

– Мама не болеет, отчим здоров? – Шеф демонстрировал поразительную осведомленность.

– Спасибо, все в порядке, – Таня удивлялась все больше.

– И собак с кошками у вас тоже нет, – с удовольствием констатировал шеф, а Таня всерьез задумалась: «Не повредился ли в ее отсутствие господин Маккаген умом?»

– Нет, но...

– Значит, вы и поедете в Костров, – радостно закончил шеф.

«Куда?!» – едва не вырвалось у Татьяны. Но, к счастью, она вспомнила, как американец говаривал: «Недоумение – суть та же некомпетентность». И спокойно спросила:

– Мне помнится, у нас в Кострове есть филиал?

«У нас» вместо «у вас» тоже сказала неспроста – в памяти, очень к месту, всплыл еще один немудрящий афоризм шефа: «Сотрудник и фирма – это единое целое».

– Совершенно верно, – подтвердил Маккаген. – И филиал сейчас очень нуждается в притоке свежих сил. Вы готовы поехать в Костров как минимум на год?

«Костров... Где же это?! Кажется, где-то на юге?.. Да, на юге, но не у моря. В общем, жуткая дыра, – пронеслось в голове у Тани. – И что же я там забыла?..»

Но вслух она спокойно произнесла:

– Какая у меня будет должность?

¹ Подробнее об этом читайте в романе Анны и Сергея Литвиновых «Оскар за убойную роль». Издательство «Эксмо».

– Директор. Директор филиала «Ясперс энд бразерс» в Кострове. Самые широкие полномочия.

«Одна-одинешенька, в чужом городе. Без друзей, без семьи».

– Кварту снимает и оплачивает мы. Машина и бензин – за счет «Ясперса», – продолжал заливать босс.

«Я не смогу ездить «на мусаку» к Валерочке. И к маме на блинчики – тоже не смогу...»

– Так что, Татьяна, каким будет ваше решение? – поторопил ее шеф.

«А ведь ты нервничаешь, – подумала она. – Ты очень хочешь меня заполучить и отправить в этот Костров. Немного в Москве, видно, охотников тащить в такую даль, пусть и директором филиала».

И она твердо ответила:

– Да, согласна. Я буду работать в Кострове. Когда выезжать?

* * *

Выезжать пришлось очень быстро – через неделю после того, как Таня подписала контракт с «Ясперс энд бразерс».

– Пожалуйста, поспешите, Таня, – умолял ее Маккаген. – Не справятся они без вас с «Юлианой»...

«Юлианой» назывался концерн, с которым Брюс только что подписал контракт на сумму со многими нулями. Серьезный бизнес, громадный оборот. Однако находился концерн в заштатном Кострове.

Таня знала, что «Юлиана» – один из крупнейших игроков на рынке российской парфюмерии и косметики. Нишу на рынке концерн выбрал грамотно – недорогие кремы, простецкие шампуни, духи с незамысловатым ароматом. Чудодейственного эффекта от подобной продукции не дождешься – зато стоит недорого. А это большинству сограждан и нужно. Таня и сама иногда покупала парфюмерию от «Юлианы». Зачем, например, тратиться на французский крем для рук «с глицерином и лимонной отдушкой», если русский аналог обойдется раз в десять дешевле? Да, пахнет он хуже, и упаковочка блеклая, и «мгновенное омоложение» с руками вряд ли произойдет, но кожу-то, худо-бедно, смягчает! И, главное, стоит меньше одного доллара за тюбик.

В отличие от большинства провинциальных фирм, которые, едва поднявшись, торопятся открыть представительство в Москве, руководство «Юлианы» в столицу вовсе не стремились. Директор концерна, костровчанин Глеб Захарович Пастухов, оказался патриотом родного города и переезжать в Москву отказывался категорически. «Раз производство в Кострове – там же останется и штаб-квартира. А работать на меня все равно будут самые лучшие!» – заявил он.

Лучшим, на его взгляд, рекламным агентством являлось «Ясперс энд бразерс».

– Ну а вы в «Ясперсе» – один из ведущих специалистов, – порадовал Садовникову Маккаген.

Приятно, конечно, что серьезного клиента поручили именно ей. Хотя злопыхатели-коллеги говорили:

– Да просто туда больше никто ехать не хотел. Ты даже не представляешь, какая это глушь!

– Ну я же не просто сотрудником еду, а директором, – пожимала плечами Таня.

А сама думала: «Глушь. Вот именно это мне сейчас и нужно – чтобы прийти в себя. Как же меня утомили все эти *московские приключения!*»

Олигарх Барсинский, открывший на нее настоящую охоту. Сумасшедшая убийца Вика, едва не отправившая ее на тот свет. Бывший коллега отчима, напичкавший ее квартиру скры-

тыми камерами...² После таких историй никакой даже французский крем не помогает – она уже морщинами покрываться начала, вон, вокруг глаз бегут еле видимые «гусиные лапки», а меж бровей залегла противная складка.

«А в Кострове, на свежем воздухе, в спокойной обстановке я снова расцвету», – не сомневалась Татьяна.

Садовникова пока не знала, как же сильно она ошибается.

До того, как «Ясперс» заключил договор с «Юлианой», дел у сотрудников костровского филиала, прямо скажем, было немного – всего лишь исполнять «столичные указания». Продвигать местному потребителю товары известных фирм и марок, раскручиваемых агентством «Ясперс энд бразерс». Скажем, из Москвы приходил макет с рекламой популярных шоколадок или кошачьего корма и пожелание: «Разместить плакат в наиболее рейтинговых местах». Всех делов: растиражировать макет в типографии и развесить его на уличных щитах, никакой особой компетенции не надо. Или присылали уже готовый телевизионный ролик – и приказ прокрутить его по местному телевизионному каналу. Максимум, что позволяли костровцам, – самим писать рекламные заметки для городской прессы. О том, например, что в местном супермаркете состоится бесплатная дегустация тех же продвигаемых Москвой шоколадок. В общем, примитивная работка. Любой старшекурсник с такой справится.

И вдруг в тихом филиале появился Заказчик – именно так, с большой буквы. Заказчик – свой собственный, а не какой-нибудь далекий иностранец, уже облизанный и «разработанный» в Москве. Для него требуется создать рекламную концепцию. Обосновать ее. Презентовать. Защитить. Просчитать бюджет. И потом эту концепцию осуществить. Не только в самом Кострове, но и во всей России.

«С этим могу справиться только я», – самоуверенно думала Таня.

...Но, как оказалось, ее новые сослуживцы считали иначе.

Знакомство с коллективом произошло совсем не так, как она рассчитывала – а в своих фантазиях Таня доходила чуть ли не до хлеба с солью, с которыми ее встретят на пороге... Однако каравая с солонкой ей не поднесли. И даже кофе не предложили.

В первый Танин рабочий день все сотрудники собрались в директорском кабинете. Кабинет выглядел, как в фильме времен развитого социализма: стол буквой «П», массивный, но с хлипким замком сейф, книжный стеллаж, на котором Татьяна с изумлением углядела собрание сочинений Ленина. И набычившиеся, настороженные коллеги, с явным неодобрением взиравшие на «московского директора».

Коллектив костровского филиала Таня сразу же назвала про себя «*семейкой*». Дружной семейкой, сплотившейся против нее, чужачки.

Матушкой выступала секретарша Изольда Серафимовна – волосы собраны в халу, отутюженная юбка строго ниже колена, цепкий взгляд. На *папочку*, без вопросов, тянул копирайтер – Эрнест Максимович Черединский, мужчина сильно за сорок. Ну и «деткишки», плюс-минус несколько лет Танины ровесники: шофер Вася, которого все почему-то уважительно звали по имени-отчеству Вас-Палыч, да менеджер по работе с клиентами Леня Шангин. На Леню Таня, после того как прочитала его досье, возлагала особые надежды. Во-первых, он был, как и она, москвичом и работал в костровском филиале всего полгода. Его, как и ее, отправили в глубинку «на укрепление», тоже сняли квартиру и обеспечили машиной, но на директора филиала он не тянул: не вышел ни возрастом (на три года младше Татьяны), ни опытом, ни деловыми качествами. В дружной семейке южного филиала Лене явно досталась роль пасынка, и Татьяне это было только на руку.

² Эти приключения Татьяны Садовниковой подробно описаны в романах Анны и Сергея Литвиновых «Проигравший получает все», «Предмет вождения номер один», «Оскар за убийную роль». Издательство «Эксмо».

– Я рада, что мы будем работать вместе... – начала Садовникова незатейливую инаугурационную речь.

Семейка обменялась недоуменными взглядами.

– Не сомневаюсь, что мы отлично сработаемся, – продолжала лучезарно улыбаться она.

Леня вперил взор в пол. Шофер Василий посмотрел на нее виновато. Секретарша Изольда закашлялась. А копирайтер Эрнест Максимович, не чинясь, перебил:

– Зачем вас прислали? Мы со всем прекрасно справлялись сами. И дальше бы справились!

Именно он до приезда Татьяны исполнял обязанности директора костровского филиала и сейчас не скрывал своего возмущения. Как?! Его заменили какой-то сопливой девчонкой!

– Я в этом не сомневаюсь, – заверила не ожидавшая отпора Таня. – Но, раз уж я приехала, вы позволите мне остаться?

Эрнест Максимович поджал губы и, нахмурившись, замолчал.

Эстафету из его слабеющих рук тут же подхватила секретарша, пожилая Изольда Серафимовна:

– Но вы так молоды, Татьяна Валерьевна! (Отчество она выговорила с неприкрытой язвительностью.) А «Юлиана» – большая, серьезная фирма! Чтобы работать с ней, требуется опыт! Знания! В конце концов, жизненная мудрость!

Таня с неприкрытым изумлением взглянула на Изольду – может, она шутит? Но секретарша выглядела абсолютно серьезной. Искренне озабоченной судьбой и агентства, и его контрактом с «Юлианой».

– Мне кажется, наш разговор заходит в тупик, – отрезала Татьяна. И для особо непонятливых добавила: – На должность директора меня назначил Брюс Маккаген, и его решения в агентстве «Ясперс энд бразерс» не обсуждаются. А сейчас, если позволите, я хотела бы приступить к работе. – Она выразительно взглянула на дверь.

Изольда горько усмехнулась, будто произнося: «Да что там какой-то Маккаген понимает в наших костровских делах!...» И выходить из кабинета не спешила.

А шофер вдруг бухнул:

– Маккагена вашего я не знаю, зато Эрнест Максимович с директором «Юлианы» в теннис играет. Это вам о чем-нибудь говорит?

«Только о том, что ты дурак», – едва не ответила Садовникова. Но удержалась, смиренно произнесла:

– Спасибо, я приму это к сведению.

Четвертый член *семейки*, менеджер Леня, вдруг фыркнул. Прочие костровцы наградили его неодобрительными взглядами.

«Не все потеряно!» – обрадовалась Татьяна и попросила:

– Оставайтесь, пожалуйста, Леонид. Остальные свободны. («Испепеляют взглядами – странно, как я до сих пор еще цела?»)»

Таня холодно обратилась к водителю:

– И, будьте добры, унесите отсюда *это* ... – Она махнула на собрание сочинений Ленина.

Шофер топтался на месте, растерянно взглядывал на бывшего шефа и не двигался с места. А Эрнест молчал.

– Новая метла... – словно про себя проворчала секретарша.

Таня выдержала ее скептический взгляд и потребовала:

– А вы, пожалуйста, приготовьте мне кофе. Растворимый я не люблю, пью эспрессо, сахара две ложки.

– Вот как! Значит, эспрессо!.. – протянула Изольда. А Эрнест Максимович гневно передернул плечами и заспешил к выходу. Но Таня «построила» и его:

– А от вас я жду аналитическую записку по «Юлиане». Все данные по продукции, все образцы существующей рекламы.

– Может, что-нибудь еще? – издевательским тоном уточнил Эрнест.

– Да, мне нужно кое-что еще. Вы, оказывается, знакомы с директором «Юлианы» – Пастуховым? Очень кстати. Будьте добры, подготовьте для меня его полную биографию. Где учился, какие книги любит, где предпочитает отдыхать...

– Хотите захомутать? – уважительно поинтересовался шофер.

Таня его реплику проигнорировала. Секунду подумала и добавила:

– Обращаюсь ко всем сотрудникам. У вас есть только два варианта. Или выполнять мои указания, или увольняться к чертовой матери. Ясно?

– Я вас понял, – выдавил побежденный Эрнест.

Шофер и секретарша промолчали. А копирайтер Леня прокомментировал:

– Блеск.

А Таня прикрыла глаза и подумала: «Пожалуй, я слегка переборщила...»

Прошло три месяца.

Понедельник, 21 июня

Самое важное событие этого лета назначили так, что хуже не придумаешь: на одиннадцать утра понедельника. В условленный час Татьяна вместе с ближайшими соратниками должна была предстать пред светлыми очами руководителей «Юлианы» и вынести на их обозрение плод собственной трехмесячной работы: рекламную концепцию четырех косметических линий – кремы для рук и тела, кремы для лица, шампуни и соли для ванн и даже духи.

Понедельник, да еще утро, – самое что ни на есть невыгодное время для общения с заказчиками. Это Татьяна усвоила хорошо. Долгий рекламный опыт приучил: лучше всего впаривать клиентам свои идеи по пятницам. В крайнем случае – вечером в четверг. В предвкушении уик-энда заказчик благодушен и нетерпелив. Он готов согласиться на любую ересь, лишь бы его оставили в покое, не морочили голову и дали спокойно дотянуть до конца рабочей недели. А вот когда выходные уже прошли... После них клиент обычно мается похмельем, сожалеет о бездарно растратченном времени и чертовски хочет поработать. *Работа*, в его понимании, выглядит так: придрататься ко всему на свете, а особенно – к несчастным рекламистам: «Я вам плачу бешеные бабки, а вы мне всякую фигню подсовываете!»

Но, может, на сей раз обойдется? Может, начальники «Юлианы» настолько хорошо провели нынешние выходные, что к утру понедельника продолжают пребывать в благодущии? А может, Танина концепция окажется настолько гениальной, что ей поаплодируют, невзирая даже на «день тяжелый»?

...Утро «дня Ч» у Тани началось в девять, когда прозвонил будильник. Но дальше привычный порядок сборов на работу был нарушен. Вместо растяжки – ее Татьяна обычно делала, прежде чем встать с постели, – она просто повалилась. Вместо того чтобы давить сок (каждый новый день Таня начинала со стакана апельсинового), тут же бросилась к кофеварке. И вместо слабенького, полезного для здоровья кофейка сварила себе двойной эспresso. И все время – пока принимала душ, пока чистила зубы – внутри противно дрожала какая-то жилка. Дураку ясно: она волновалась. Самый натуральный предпремьерный мандраж. Чувство, знакомое любой актрисе или хотя бы участнице художественной самодеятельности. С той небольшой разницей, что актриса – равно как и исполнительница песни «Крылатые качели» на школьном утреннике – представляет на суд зрителей уже апробированный материал: заигранную пьесу,

испетую песню, а Татьяне сегодня предстоит исполнить перед почтенной публикой нечто, придуманное ею самолично от первой до последней буквы.

Одна надежда: вдруг секретное оружие сработает?.. Секретное оружие (или, как бы сказал отчим, полковник ФСБ Валерий Петрович Ходасевич, «специальную операцию») Татьяна разработала и провела в полной тайне от коллектива и очень этим гордилась.

«Хватит мечтать! – оборвала она себя. – Лучше приготовься к самому худшему. И к полному краху концепции, и к бесконечным придиркам по мелочам, и даже к оскорбительным выпадам в свой адрес».

С чашечкой кофе в руках Татьяна вышла на балкон. С квартирой в Кострове ей повезло. Точнее, работодатели не поскупились: сняли ей жилье высокого класса. Высокого – конечно, по нашим, российско-провинциальным меркам. «Двушка» в сталинском доме в самом центре города. Балкон в гостиной выходит прямо на высокий берег широкой реки Танаис, матери рек русских. Внизу, сразу под балконом, идет поросший травой склон. По нему, верно, ребята зимой на санках любят съезжать. В те, конечно, редкие дни, когда в южном Кострове выпадает снег.

Склон заканчивается асфальтированной, уставленной фонарями набережной – по ней летними вечерами фланируют местные гуляки. А за набережной – широкий Танаис. В утренней жаркой дымке теряется левый берег. Вид с балкона у Тани восхитительный: на много миль кругом. По Танаису величаво идет четырехпалубный круизный пароход. Следом вниз по течению ползет баржа с лесом. В противоположном направлении суетливо пытит буксир. На обоих автомобильных мостах через реку – и справа от Тани, и слева – потоки машин. Солнце вспыхивает в окнах автомобилей, посылает ослепительные зайчики. По третьему, старому, мосту с железными пилонами тянется на противоположный берег зеленая гусеница: пассажирский поезд чухает на юг, к Сочам – Адлерам: уже начался сезон отпусков.

Несмотря на утро, солнце, высоко висящее над рекой, уже шпарит по-южному, так, что волосы после душа высыхают без всякого фена. Таня одним глотком допила кофе – что за молодцы работодатели, помимо самой необходимой бытовой техники снабдили ее квартиру и разными прелестными излишествами вроде кофеварки «эспрессо», соковыжималки для цитрусовых и неплохим музыкальным центром. Ушла с балкона, задернула шторы – днем сюда подберется солнце, станет выжигать обои и нагревать воздух. Скинула халатик, принялась собираться. Под ложечкой по-прежнему подсасывало – волнение усугублялось тем, что сегодня предстоял ее дебют в этом городе, где Таню пока никто не знал и многие относились к ней – столичной штучке, брошенной «на усиление», – ревниво и настороженно.

Правда, с коллективом агентства, столь неласково встретившим ее по приезду, Татьяне удалось кое-как поладить. «Пусть со скрипом, но ключик к каждому подобрала», – гордо думала она.

С *матушкой*, секретаршей Изольдой, Татьяна вела себя подчеркнуто кротко. Уважительный тон, всегда по имени-отчеству, и от привычной фразочки, многократно апробированной на молодых секретаршах: «Притащи-ка мне кофе», – пришлось отказаться. Изольду куда грамотней просить: «Вас не затруднит сварить мне кофейку?» Противно, конечно, лебезить перед провинциальной клушкой, но кофе ведь от этого становится не хуже, а именно лучше... С одним из *сыночков*, шофером Васей, Татьяна тоже разговаривала с демонстративным уважением. Именовала его по имени-отчеству, Василием Павловичем (впрочем, на сокращенный вариант – Вас-Палыч – тот не обижался). Выспрашивала его об истории Кострова, о редких музеях-памятниках, советовалась, куда лучше выбраться на воскресный пикник. И, хотя не очень любила подобные разговоры, беседовала с ним о машинах. О новых марках-моделях, о том, на каком пробеге лучше всего менять масло. И даже терпеливо выслушивала критику по поводу собственной манеры вождения: «Не рвите сцепление, Таня! К чему этот рев? Выиграешь секунду, а ресурс подорвешь...» – «Я стараюсь, Вас-Палыч. Но хочется ж побыстрее...»

Второй *сын*ок, копирайтер Леня, оказался самым нормальным. Выпивоха, конечно, и лентяй, зато голова светлая. И, главное, принял ее *руководство* совершенно спокойно. Бывало, ехидничал, иногда насмешничал, но указания выполнял.

Сложнее всего оказалось с *папашей*. С бывшим и.о. директора и главным копирайтером Эрнестом Максимовичем. Вот уж кто крови ее попил! Никак не мог простить, что Таня сместила его с почетной должности. (Хотя она-то здесь при чем?) Да и копирайтер – генератор идей, творческий работник – из Эрнеста оказался никудышный. Придумывать рекламные концепции – это вообще не для стариков, Таня еще ни разу не встречала копирайтера старше тридцати пяти, а Эрнесту – лет пятьдесят, не меньше. Она честно пыталась привлечь бывшего директора к творческой работе, но тот выдавал, то ли из вредности, то ли по бесталанности, такую ахинею, что Татьяна быстро оставила его в покое. Теперь Эрнест варился в собственном соку. Сидел в своем кабинете и, похоже, строил бесконечные планы, как сместить с должности «московскую самозванку». И со скрипом, с едкой ухмылкой выполнял редкие Танины поручения.

На десять тридцать назначили выезд к заказчику. Расстояние до офиса «Юлианы» было, особенно по московским меркам, смехотворное – пешком минут за пятнадцать можно дойти. Но решили, конечно, ехать на машине. Во-первых, для солидности. Во-вторых, предстояло тащить с собой кучу вещей: экземпляров десять переплетенной концепции, чтобы раздать всем участникам высокого синклита, листы с эскизами плакатов и раскадровками, проектор слайдов, экран, пару ноутбуков... Даже кнопки с собой предусмотрительно везли – вдруг у заказчиков не найдется, чем пришить эскизы к демонстрационной доске: выйдет конфуз. Пока Вас-Палыч сносил все это добро из офиса в представительский «Мерседес», Татьяна нервно курила в своем кабинетике. Вообще-то она бросала, и ей удавалось не дымить целыми неделями. Но сейчас волнение стало таким нестерпимым, что справиться с ним, казалось, можно только с помощью сигареты. Еще этот разгильдяй Леня опаздывал. Уж в такой важный день мог бы, если хоть не пораньше прийти, то по крайней мере вовремя. Но на часах без двадцати одиннадцать, а его все нет.

А он ей сейчас так нужен! Леня оказался единственным в южном филиале сотрудником, кто реально Татьяну поддерживал. И плюс к тому – по-настоящему помогал. Фонтанировал идеями, предлагал неожиданные – порой завиральные, а порой в самую точку – рекламные фенечки, приемчики, примочки. Правда, творческая потенция Леонида сильно зависела от настроения и времени суток. По утрам он вечно ползал хмурый, бледный, угрюмый. К вечеру – особенно после сытного позднего обеда, сдобренного парой кружек пива, – Ленчик расходился. Лицо его начинало румяниться, глаза сверкали, слова сыпались горохом. Он оживлялся, жестикулировал, рассказывал, придумывал. Самое милое дело было работать с Ленкой по вечерам. Татьяна с ним порой и за полночь засиживалась – все равно его, как и ее, дома никто не ждал. По небольшому офису немедленно поползли слухи об их особых отношениях, но Татьяна на них внимания не обращала, она девушка свободная. А Ленчик, если честно, был совсем не героем ее романа, несмотря на очевидный талант, безудержную фантазию и, когда он бывал в настроении, искрометный юмор. Во-первых, совсем юнец, моложе ее на три года, во-вторых, человек ненадежный, а в-третьих и в-главных, – ну не влекло ее к нему, не могла она даже гипотетически рассматривать его как сексуальный объект. Ни одной, короче, искры между ними не проскочило. Даже позавчера, в субботу, когда они вдвоем добились наконец в ночи концепцию и завелись на радостях в ресторанчик, а потом Леня поплелся провожать ее до дому.

И слава богу, что ничего между ними не было, хотя Ленечка уж очень в тот вечер пытался. Иначе, если б, допустим, случилось, как бы она сегодня могла им руководить, распекать его и строить? Тем более что Леня действительно напрашивался на хорошую выволочку. Часы показывают десять сорок пять, а его все нет. Куда он запропастился, противный мальчишка,

подумала Таня словами марктвеновской тети Полли и опять набрала Ленин мобильный номер. И опять, как и пять минут назад, все то же: «Абонент не отвечает или временно недоступен». Татьяна в сердцах набрала его домашний. Автоответчик откликнулся безоблачным Ленькиным голосом: «Привет, друзья! Меня нет дома! Оставьте свой мессидж после сигнала!»

В дверь без стука влез водитель Вас-Палыч. Весело отрапортовал:

– Шеф! Все погружено. Можно выезжать! Мы кого-нибудь ждем?

Таня скривилась на фамильярность и едва удержалась, чтоб не сказать: «Держи дистанцию, шофер!» Но только кивнула:

– Да, Вас-Палыч, поехали. Пойди, скажи Эрнесту Максимовичу: он едет со мной.

– А Леонида не будем ждать?

– Хватит, – буркнула Таня. – Заждались уже.

И, выходя из кабинета, бросила пожилой секретарше Изольде Серафимовне:

– Я уехала к главному заказчику. Если Леонид появится в ближайшие пятнадцать минут, пусть догоняет.

– А если не появится?

– Тогда печатайте по нему приказ: выговор и лишение персональной надбавки.

И Татьяна вихрем слетела со ступенек – вывалилась в южное, уже горячее утро.

– Почему вы вдруг решили, что я сегодня должен ехать к заказчику? – проблеял с заднего сиденья представительского «мерса» Эрнест Максимович.

«Потому что Ленька не пришел, а мне одной страшно, – подумала Таня, – к тому же должен кто-то папки и экраны таскать, а мне, начальнику, статус не позволяет». Но вслух, естественно, сказала другое:

– Даю вам лишний повод пообщаться с Глебом Захаровичем. Он ведь, если не ошибаюсь, ваш партнер по теннису?

– Я и так с ним вижусь на корте, – буркнул Эрнест.

«Интересно, как с таким брюшком ты носишься по площадке?»

– А сейчас вам будет полезно повидаться с ним в более формальной обстановке. Тем паче что в течение нескольких лет мы с Глебом Захаровичем будем работать в одной упряжке.

– А если мы, хм, не будем с ними работать? – ехиднейше поинтересовался Эрнест Максимович, намекая на вполне возможный неуспех презентации.

– Будем, Эрнест Максимыч, обязательно будем.

Впрочем, у Тани сейчас совсем не было в этом уверенности. Наоборот, волнение достигло такой силы, что аж спазмы в желудке начались. «Насколько мне было бы спокойней с Ленеи, – вдруг поняла Таня. – Нет, он у меня выговором не отделается. Я его, когда появится, по стенке размажу!»

А тут они уже и к офису заказчиков подкатили. Вот еще один громадный плюс провинциального Кострова: в отличие от столицы все здесь близко и никаких нет пробок на улицах – разве что в пятницу вечером, когда все горожане на природу рвутся.

Спустя три часа Леня все равно не появился.

Презентация прошла настолько хорошо, что об этом можно было только мечтать. Прямо как по маслу прошла. Пожалуй, за всю семилетнюю Танину карьеру такого успеха она и не знавала. Вот и гадай – то ли талант помог, то ли секретное оружие...

Секретное оружие было таким.

Хотя весь коллектив агентства считал, что с директором «Юлианы», Глебом Захаровичем Пастуховым, Таня не знакома, на самом деле...

Она, пусть и работала над рекламной концепцией чуть не сутками, а древнее российское правило – «все решают связи» – не забыла. И одновременно с поиском нестандартных рекламных решений подбиралась к директору концерна с другой стороны. Со стороны теннисного корта.

Таня никак не могла пропустить информацию, что Глеб Захарович, как и она, – теннисист-любитель. Выяснить, на каком корте директор «Юлианы» лупит по мячику – в условиях крошечного-то Кострова! – оказалось элементарно. Дальше и вовсе все пошло как по маслу: белоснежная форма, короткая юбка, стройные ноги, сильная подача, «ой, извините, мой мячик улетел на ваш корт...» Конечно же, Глеб Захарович предложил ей сыграть. И, разумеется, в трудной борьбе победил. А потом маслено улыбнулся и позвал ее за город, на уик-энд, в охотничий домик.

– Спасибо, но это вряд ли возможно, – твердо отказалась Татьяна. И, хотя директор и просил, телефона своего ему не сообщила. И больше с Глебом Захаровичем не общалась.

«После презентации телефон ему дам. Если все хорошо пройдет», – решила она.

И вот наконец презентация. Директор «Юлианы» Глеб Захарович, едва увидев Татьяну, растерянно заморгал, но в руки себя взял быстро, секунды три прошло – на то он и директор, чтобы с эмоциями справляться. Пожал руку, сдержанно сообщил, что ему приятно с ней познакомиться... И попросил переходить к делу.

Волноваться Таня перестала с первых же слов. Рассказывала четко, просто, ясно. Когда нужно, шутила. Порой тонко подольщалась к заказчикам: «Вы создали самый лучший в России продукт в своей группе...» Порой производила эффект мудреными словечками. Заказчики посматривали на экран, где мелькали слайды, на схемы, глубокомысленно листали экземпляры концепции. Глеб Захарович благосклонно кивал. Он с самого начала принял такую позу, словно Таня – его любимая аспирантка – диссертацию по его же коронной теме защищает. Будто бы все, о чем Таня докладывает, он самолично придумал, а она только его мудрые указания ретранслирует. Ощувив невидимыми подхалимскими рецепторами благосклонность ГЗ (как за глаза называли Глеба Захарыча), и его подчиненные разглядели хмурые лица и стали кивать директору в такт. Откровенный скепсис отражался только на лице «своего» Эрнеста Максимовича – тот уж три месяца ждал, да никак не мог дождаться, когда же назначенка из Москвы, молодая, да ранняя, наконец сломает себе шею. Но тут уж извините: он, по правилам игры, пребывал в данный момент на стороне Тани и не имел никаких прав даже слова против нее вякнуть.

В итоге концепцию приняли на ура, а ее обсуждение свелось к малозначительной дискуссии: к примеру, сразу ли запускать ролик по центральным каналам или для начала обкатать его месяцок на местном, костровском телевидении.

Итак, Татьяна имела успех. Даже, можно сказать, произвела фурор. Всю дорогу обратно в офис она пребывала в эйфории, и даже кислая физия Эрнеста Максимовича с отключенной нижней губой не могла испортить ей настроения. «Сейчас вернемся, – загадывала Татьяна, – и я прикажу открыть ледяного шампанского, а потом сделаю всем ручкой и поеду на левый берег на пляж. Пора начать купальный сезон. Жарища уже давно, а у меня из-за этой проклятушей концепции прелестный купальник от «Шанель» до сих пор не обновлен – в темном шкафу вылеживается».

Однако в офисе ее огорошила Изольда Серафимовна.

– Я напечатала приказ, – торжествующе провозгласила она. – Он, Танечка, у вас на столе.

– Какой еще приказ? – поморщилась Татьяна.

– По Леониду. О выговоре и лишении надбавки.

– По Леониду? Он что, так и не появился?

– Нет, – победоносно ответила Изольда. – И даже не звонил.

Глава 2

Влепить Лене выговор было проще всего. Таня подписала приказ, услужливо положенный ей на стол Серафимовной, размашисто, сердито, так что даже дорогой «Монблан» кляксу дал.

Откинувшись в кресле. Полюбовалась на собственную начальственную роспись. С минуту поразмышляла. Потом решила: вывешивать приказ на всеобщее обозрение она пока не будет. Лучше до поры спрятать его в сейф. А также отменить шампанское с пляжем и сходить к Лене домой. В самом деле, может, случилось что. Опоздать на работу на четыре часа безо всяких объяснений – раньше ничего подобного даже за безалаберным Леней не водилось.

На ходу бросив Серафимовне: «Я отъеду на часок», – Татьяна вышла из офиса. Вот еще один плюс начальственного статуса: можно в рабочее время делать что хочешь и ходить куда захочешь и при этом ни у кого не отпрашиваться и никому ничего не объяснять. К ее услугам были представительский «мерс» с прирученным Вас-Палычем и личная белая «десятка», которую фирма приобрела специально для ее костровских разъездов. Но по зрелом размышлении Таня решила транспорт не гонять и до Лениного дома пройти пешком: «Прогуляюсь. А заодно – отозлюсь». (Пешая прогулка всегда помогала ей «выпустить пар».) К тому же до дома Ленчика в буквальном смысле слова два шага. То бишь кварталов семь от офиса.

Надев солнцезащитные очки и стараясь держаться в тени акаций, она зашагала в сторону Лениного дома. Светило уже раскалило город. По главной пешеходной улице Кострова, носящей имя Красных Партизан, шествовали редкие прохожие. Публика почти не отличалась от московской: вышедшие на бизнес-ланч клерки в галстучках; модницы, перебегающие от косметички к маникюру; пенсионерки, рыщущие по магазинам в поисках грошовой экономии. Но модные вещи на местных светских львах и дамах полусвета по большей части (определяла Таня наметанным взглядом) приобретались не в фирменных магазинах, а на местных вещевых рынках, и в этом таилось коренное отличие улицы Красных Партизан от, скажем, Тверской. «Ни одной настоящей дизайнерской вещи, – не без удовольствия отметила Таня. – Хотя копии иногда встречаются неплохие».

Отличие номер два состояло в том, что по городу здешний народ перемещался вальяжно, не спеша. Далеко было пешеходам до столичного темпа и ритма. Первое время по приезде Татьяну замедленность аборигенов бесила, особенно в кафе и магазинах. Продавщицы и официантки двигались едва-едва, словно в сметане плавали. Так и хотелось их в бок пихнуть, чтобы они поворачивались быстрее.

Однако вскоре Татьяна научилась относиться к местной неспешности философски, а теперь, через три месяца после приезда, пожалуй что, и привыкла. Сама усвоила здешний ритм, стала сбавлять обороты. Словно ослабла внутренняя пружинка с подзаводом, все время подгонявшая ее в столице: «Скорей! Скорей!» От того что она перестала постоянно спешить и мчаться, вскоре ей и дышать стало легче, и спина вроде распрямилась, и лицо даже, кажется, разгладилось. Столичный бешеный ритм плохо влияет на организм, сделала она вывод. Может, и правильно, что она годик в провинции поживет. Здоровее станет.

Но сейчас, взволнованная безобразным отсутствием Лени, Таня заметно прибавила шаг и стала двигаться не как прочие прохожие, а с почти московской скоростью. Встречные удивленно посматривали на нее; кое-кто, парни в основном, оглядывался вслед, и Татьяна с удовольствием чувствовала спиной сии взгляды. Она не сомневалась: мужики косятся отнюдь не из-за того, что она выбивается из сонного провинциального ритма, а потому, что фигуру, близкую к идеальной, оценили. И ее платье – не от безвестного турецкого дизайнера, а натуральное «Этро».

...Леня, как и Таня, проживал в Кострове в съемной квартире – в сталинском доме того же фасона, что и она сама. Однажды Татьяна заглянула к нему – в основном из ревнивого любопытства: «Как там его фирма устроила? Сколько выделила жизненных благ в сравнении со мной?» И с удовольствием отметила, что квартира Леньки, хоть и такая же двухкомнатная, однако статусом пониже. Во-первых, находилась она не на набережной, как у нее, с прекрасным видом с балкона, а во дворах. Во-вторых, у него мусоропровод размещался прямо на кухне, а значит, наверняка тараканы баловали. А в-третьих, квартирka Ленькина располагалась на первом этаже, и потому окна были заделаны решетками. И жалюзи ему постоянно приходилось держать закрытыми, а не то все подряд со двора заглядывать будут.

Таня свернула с улицы Красных Партизан в глубь квартала, застроенного семиэтажными сталинскими монстрами. Когда-то, в начале пятидесятых, этот квартал построили для местной элиты. Отсюда до главной площади (носящей, на удивление, имя не Ленина, а Красногвардейцев) и обкома партии (теперь областной администрации) было рукой подать. Заселили сюда во время оно аппаратчиков, эмгэбэшников и для разбавления редких передовиков производства. За пятьдесят лет советская элита поумирала, дети пережились, завели внуков, нарезали лицевые счета, понаустраивали из элитного жилья коммуналки. После наступившего капитализма именно здешние квартиры стали первыми прибираться к рукам местные нувориши. Понаставили стеклопакетов, повешали спутниковых антенн, повезли в ванны джакузи. Но некоторые умники свои суперквартиры не продали – перебрались в *Четвертый квартал* и *Монастырку* (местные Черемушки и Бутово), а жилища стали сдавать понаехавшим иностранным и столичным менеджерам. Таким вот манером здесь – в квартале, называемом в народе Дворянским гнездом, – обосновались и Таня, и Ленчик.

Таня вошла в тихий двор, засаженный акациями, шелковицей, пирамидальными тополями. Вот они, Ленькины окна. На первом этаже, за вычурной решеткой. Форточки закрыты, окна, как и всегда, завешены изнутри жалюзи. Квартира производит впечатление нежилой. На лавочке, расположенной на детской площадке, сидят три бабки. Лавочка для удобства надзора за территорией поставлена лицом к подъездам. Едва старухи завидели Таню, тут же прекратили свои разговоры – обратили пристальные взоры на нее. Делая вид, что не замечает прожигающих бабкиных взглядов: что, мол, за фифа и к кому явилась? – Татьяна прошла к искомому подъезду.

Подъездная дверь оказалась стальной. Правда, ни консьержки, ни домофона не было. Имелся лишь кодовый замок, над которым кто-то заботливый написал карандашом: «237». Да и соответствующие клавиши замка – двойка, тройка и семерка – оказались до блеска отполированы. Таня нажала их, дверь шелкнула и отворилась. Она вошла в полутемный, прохладный, пахнувший кошками подъезд.

А вот и площадка первого этажа, Ленькина квартира, номер сорок два. Татьяна нажала кнопку звонка. Он безнадежно прозвонил в пустой квартире. Потом еще и еще раз: дзынь, дзынь! А в ответ – тишина. Тогда Таня вытащила из сумочки мобильник и набрала Ленин домашний номер. Длинные гудки. Сквозь дверь стало слышно, как запиликал где-то в глубине квартиры телефон.

Звонки прекратились, сработал автоответчик. В трубке у Таниного уха раздался лучезарный Ленин голос: «Привет, друзья!..» Татьяна нажала на «отбой».

Кажется, все бесполезно. Дома его нет. Таня безнадежно забарабанила по двери кулаком. А может, он все-таки дрыхнет?! Ведь сам рассказывал как-то, что однажды, после искрометного загула, личный рекорд установил: проснулся в четыре часа дня.

Бумс, бумс! И ногой тоже можно поколотить!.. Просыпайся, негодяй! И вдруг... ей почудилось внутри квартиры какое-то шевеление. Словно кто-то пошел к входной двери тихо-тихо, без обуви, на цыпочках. Таня замерла, прислушалась.

Нет, тишина в квартире. Ей показалось? Она еще раз ударила в дверь и крикнула: «Леня, открой! Это я, Таня!» Снова затаила дыхание, вслушалась – нет, ничего: ни шороха, ни вздоха. И тут в полутьме подъезда она увидела, а скорее даже почувствовала, что изнутри квартирному «глазку» на нее кто-то смотрит!

Стало страшно. Таня даже отступила от двери, прижала руки к груди. И тут глаз, глядящий на нее из квартиры, вроде бы исчез. Кажется, снова донеслись шелестящие шаги. Они удалялись в глубь жилья. Вдруг Леня все-таки там, внутри? И просто не хочет ей открывать? Может, он с женщиной или пьяный. А может, и то и другое вместе. Но что за детский сад? Почему не позвонил и не предупредил? Телефон вон у него домашний работает. Нешто она зверь какой и не поняла бы, не вошла в его положение, что бы он там ей ни наплел?

– Леня! – сердито выкрикнула она, адресуясь к тому, кто прятался за дверью. – Открой! Открывай сейчас же!

Молчание.

– Или хотя бы позвони мне! Это я – Таня!

Но в ответ – ни гу-гу. Неужели никого там нет и шаги внутри ей просто причудились? И что теперь прикажете делать? Вот дурацкая ситуация! Директор южного филиала крупнейшего сетевого рекламного агентства самолично разыскивает своего нерадивого сотрудника. Домой к нему заявилась. А не пошел бы он куда подальше, этот Леня! Не слишком ли много чести? Уйти и забыть.

Таня отступила от Лениной двери. Однако уходить не спешила. Огляделась. На лестничной площадке находилась еще одна дверь: квартира сорок один. Наверное, здоровенная, генеральская. А может, дверей всего две на площадке оттого, что на первом этаже дома расположен продовольственный магазин и место занимают подсобные помещения.

Дверь в сорок первую квартиру тоже оказалась стальной и с «глазком». Таня подошла к ней и позвонила. Она уже не верила, что разыщет Леню, и сделала это скорее по привычке никогда не останавливаться на полпути и всегда доводить все свои дела до логического конца – каким бы он ни был. «Может, соседи что видели или слышали?» – бодро пробормотала Таня вполголоса. В пустом и полутемном подъезде ей стало слегка не по себе. Как-то чуть жутковато. Да еще эти странные шаги в Ленкиной квартире. Или все-таки не было никаких шагов?

В квартире напротив тоже никого не оказалось. Таня позвонила еще раз. Потом второй, третий... Тишина. И вдруг за дверью раздался отчетливый перестук женских каблучков.

– Кто там? – послышался приглушенный дверной обивкой девчачий голос – переливчатый, даже кокетливый.

– Я к вашему соседу пришла, – прокричала Таня, – к Лене!

Она чувствовала себя дура душой: что, интересно, о ней подумают? За ревнивую подружку примут, не иначе. Или за брошенную невесту, преследующую жениха!

За дверью молчали – кажется, находились в замешательстве.

– Я в квартиру напротив пришла, – снова выкрикнула Таня, – в сорок вторую. А там не открывают. Вы не знаете, где ваш сосед, Леня?

Вдруг дверь распахнулась на всю свою ширину. Однако вместо ожидаемой девушки в проеме возник двухметровый амбал. Одет он был, невзирая на жару, в кожаную безрукавку на голое тело и кожаные штаны. Под безрукавкой курчавилась волосатая грудь, внушительный живот нависал над штанами. В руке гигант держал недоеденный хот-дог. Выражение его лица было угрожающим. Он вопросительно смотрел на Татьяну и молча жевал.

– Че тебе надо? – произнес он наконец.

За спиной силача виднелся коридор, отделанный со скромным гостиничным шиком. Мелькнул там вдруг и женский силуэт: в босоножках на высоченном каблуке, в красных трусиках-стрингах и полупрозрачном алом топике. Мелькнул, стрельнул любопытным глазом в Татьяну и исчез – кажется, в ванной.

Таня, отступив от громилы, терпеливо повторила ему все то, о чем кричала через дверь: сосед Леня, живет напротив, я его разыскиваю.

– Не знаем мы ничего, – лениво протянул амбал сквозь пережевываемую пищу. Потом проглотил кусок и буднично, безо всякой угрозы, добавил: – Давай вали отсюда, пока целая!

Бум! Железная дверь захлопнулась перед самым Таниным носом.

Из подъезда Таня вышла, дополнительно злясь на Леню. «Когда появится, он за все у меня ответит, – в сердцах думала она. – И за этого хама-амбала тоже».

Со двора она еще раз заглянула в Ленины окна. Ничего за ними не переменялось. Та же решетка, те же тихие безжизненные жалюзи. Таня заглянула и в окна, где проживал амбал с развратной соседкой. Они тоже оказались зарешеченными, а плотные гардины бордового цвета мешали заглянуть внутрь.

Кумушки на лавочке опять немедленно воззрились на Таню, едва она вышла из подъезда. Их разговор снова смолк – все энергия старушенций, похоже, ушла на рентгеновски испытующие взгляды. Взоры старух прожигали насквозь, с ходу сканируя и возраст Тани, и социальный статус, и семейное положение. Сразу понятно: бабуленции опытные. Съели собаку на внутренних, местечковых сплетнях.

«Этим грех не воспользоваться», – сказала себе Таня. И направилась к старушкам. Пока шла, настраивала себя: «Только не забывай: в разговоре с такими твое оружие – кротость. Кротость и еще раз кротость. У меня получится: слава богу, уже на Изольде натренировалась».

Одна из бабулек была в панамке – Таня сразу окрестила ее про себя Интеллигенткой. Вторая – в платочке, сарафан у нее был попроще, и на ногах тапочки из кожзаменителя; эту Татьяна назвала для «внутреннего пользования» Простонародной. Третья, с крашенными в голубое и тщательно завитыми волосами, получила прозвище Аристократка.

– Извините, вы не подскажете мне, – жалобно протянула Таня, – как мне вашего соседа из сорок второй квартиры найти – Леню?

– А ты кто ему будешь? – немедленно поинтересовалась Простонародная.

– Я с ним вместе работаю. – «Кротость, кротость и кротость».

– А что, дома его нет?

– Нет, и телефон не отвечает.

– Так он, наверное, на работе? – уставилась на Татьяну пытливым глазом Интеллигентка.

– Я же говорю: я с его работы, и он сегодня на службу не вышел.

Тетеньки многозначительно переглянулись.

«Пусть тебе, Ленчик, будет хуже – старушенции теперь всему дому растреплют, что ты работу прогуливаешь».

– Не видала я его сегодня, – брякнула Простонародная. Таня вгляделась в ее хитрое лицо, острые глазки и поняла, что сомневаться не приходится: у этой в самом деле жизнь двора – под полным контролем. Раз говорит, что не видала – значит, Леня нынче действительно дома не появлялся.

– А когда вы его последний раз видели? – спросила Таня жалобно.

– А что это вы, девушка, так им интересуетесь? – вклинилась Интеллигентка.

– Я ж говорю: мы работаем вместе, а сегодня он и в офис не пришел, и не звонил даже. И телефоны у него не отвечают. А я, между прочим, его начальница.

– Тоже москвичка, что ли? – осуждающе спросила Аристократка.

– Москвичка, – кивнула Таня. «Кротость, кротость и кротость».

– А машина-то его на месте? – поинтересовалась Интеллигентка, оглядывая двор.

– Нет ее, – отрезала Простонародная. – И Лени вашего нет. Как он вчера уехал, так больше и не появлялся. Можете не сомневаться.

– А когда он вчера уехал, не знаете? – спросила Татьяна.

– Зна-аю, – ехидненько пропела Простонародная.

– Когда?

Чувствовалось, что среди своих товарок Простонародная – самая информированная. Две другие старушки – видимо, по некоторому своему благородству – не придавали наружному наблюдению достаточной важности (или не желали в этом признаваться каждой встречной-поперечной).

– Уехал Леня вчера в два часа дня, – доложила Простонародная.

Интеллигентка в панамке согласно покивала головой: истинно так.

– И одет он был по-пляжному, – продолжила доносить Простонародная. – В санда-аликах, маечке, шортиках. Коленки го-оые. Совсем никакого стыда у нынешней молодежи нет, – и покосилась на Танино платье, тоже слегка прикрывавшее колени: косвенно, значит, и ее осудила. И подвела черту: – И с тех пор больше Леня твой домой не возвращался.

– Почему это вы так уверены, Элеонора Евстафьевна? – удивилась Аристократка. – Может, и возвращался.

Усомниться в способности Простонародной держать все под контролем было большой ошибкой. Та взвилась:

– Возвращался?! А где ж тогда его машина? Скажи, Марковна, где?

– А может, он вернулся ночью, а сегодня рано утром опять уехал.

Аргумент был слабым. Судя по выражению лица, Аристократка и сама это понимала. Простонародная только фыркнула:

– Раз я говорю «не возвращался», значит, не возвращался.

– Удивляюсь я вам, Элеонора Евстафьевна, – произнесла Аристократка, – как вы все на свете замечать успеваете. Когда только спите?

– Да уж не то что некоторые, которые после обеда отдыха-ают, после ужина отдыха-ают...

Таня поняла, что Простонародной и Аристократке спорить не впервой. Верно, спору меж ними уж не один год, а скорее десяток лет. И обе привыкли к нему и нуждаются в нем – как нуждаются друг в друге. Так и будут две эти дворовые антагонистки, старухи, сидеть и спорить на этой самой скамейке, покуда Смерть, еще одна старуха, навсегда не приберет одну из них. И тогда оставшаяся, осиротев наконец, поймет, сколь важное место занимала ушедшая в ее жизни...

– Ты, девушка, Евстафьевну слушай, – вмешалась тут в спор товарок Интеллигентка тоном третейского судьи. – Раз Евстафьевна говорит, не возвращался, значит, он таки не возвращался.

Прозвучала ее реплика столь весомо, что спор был немедленно исчерпан. Аристократка оказалась посрамлена – очевидно, далеко не в первый раз. Простонародная победоносно глянула на нее и добила подружку:

– Вот и сидела бы и молчала себе в тряпочку!

Аристократка обиделась, поджала губки и уже готовилась сказать что-то в ответ, после чего спор меж ними разгорелся бы с новой силой, но Татьяна поспешила вклиниться с вопросом:

– А скажите, уважаемые женщины, кто в сорок первой квартире живет – напротив Леонида? – Она все никак не могла забыть хамского амбала в коже в дверях соседского жилья. Может, исчезновение Лени как-то связано с ним?

– А никто там не живет, – вдруг насупилась Простонародная.

– Да? – удивилась Таня. – А я только что видела...

– Тихо, девушка, тихо! – шикнула Интеллигентка и выразительно оглянулась по сторонам.

– В сорок первой квартире у нас, – брякнула Аристократка в полный голос, – расположен публичный дом.

– Тише ты, Марковна! – цыкнула Простонародная. – Чего болтаешь!

– А что? – немедленно запетушилась Аристократка. – Я ведь говорю чистую правду. Вы, что же, Элеонора Евстафьевна, собираетесь это оспаривать?

– Я не оспариваю, а только говорю, что надо не болтать, с кем ни попадя. Мало ты, Марковна, про этот бардак жаловаться участковому ходила? Мало он тебя попер?

– Не попер, как вы, извините, выражаетесь, а сигнал мой записал.

– Си-игна-ал! – передразнила Простонародная. – Хорошо ты насигна-алила! После твоих сигнала-лов уж три месяца прошло, а они там, в сорок первой, все равно воют, как кошки мартовские, аж стены трясутся.

– Вот я и говорю, что надо привлечь к решению данной проблемы широкую общественность...

Татьяна не стала ждать, чем закончится дискуссия, и тихо проговорила:

– Спасибо вам, вы мне очень помогли.

Она была уверена, что, конечно, могла бы узнать у наблюдательных старух всю подноготную Леонида, но ее несколько не интересовала его подноготная, интересно было только, куда он исчез и почему не позвонил. А по этому поводу бабули выдали, кажется, всю имеющуюся у них в записке информацию. И Татьяна пошла к выходу со двора, а до нее продолжала доноситься перепалка старух:

– Вот я и говорю: надо написать коллективное письмо в газету, мэру, депутату, наконец!

– Депута-ату! Да они все, депутаты, с этой квартиры кормятся! И девок этих едят!..

Татьяна вышла со двора на улицу Красных Партизан. Безоблачное настроение, овладевшее ею после победы с концепцией, куда-то испарилось. Незамутненную радость профессионального успеха стали отравлять мысли о странных шорохах в Лениной квартире, о хамских его соседях из тайного борделя, о самом факте необъяснимого Лениного отсутствия.

Итак, вчера, в воскресенье, около двух пополудни, Леонид, одетый по-дачному, уехал на своей машине со двора, и больше здесь его никто не видел. Куда же он отправился? На пляж? Вполне вероятно. Татьяна постаралась припомнить, что Леня говорил ей тогда, в ночь с субботы на воскресенье, когда они расставались. Припоминалось плохо. Она все-таки слегка выпила – на радостях от того, что они поставили последнюю точку в концепции. Да, кажется, Леня что-то такое говорил про пляж. Вроде бы он и в самом деле в воскресенье собирался на природу. И даже Таню с собой звал. Но она не могла: надо было посвятить выходной маникюру, косметологу, парикмахеру. Леня же намеревался тихо расслабиться и отмокнуть. Кажется, именно так он и выразился: «тихо расслабиться и отмокнуть». Что под этим подразумевалось, Таня тогда, ночью, не уточнила. Может, «отмокнуть» означало «напиться»? Или Леня и в самом деле на горпляж на левый берег Танаиса поехал?

Ну, положим, поехал. Это было вчера. Днем. А куда он делся потом? Познакомился с какой-нибудь девчонкой и завился к ней? Запросто. Леня парень молодой, свободный, пригожий собой. Вполне мог склеить на пляже девчушку. Или познакомиться с парнями – собутельниками, закорешиться с ними и загудеть. Или, допустим, поехать в публичный дом – в один из многочисленных городских аналогов того заведения, что расположено у него на лестничной площадке. Леня, помнится, не скрывал, и даже от Тани, что пользуется услугами местных проституток. Однажды она подслушала, как он перед Эрнестом Максимовичем восторгается их дешевизной и податливостью. Но... Загулять, конечно, можно, но почему он тогда не позвонил? Загулял до беспамятства? А ведь и такое может быть. Леня производил впечатление парня без тормозов. Хотя за прошедшие три месяца прогулов без уважительных причин за ним не замечалось. Да, он приходил на службу помятый, с красными глазами и перегаром. И, бывало, опаздывал и появлялся только к обеду. Но всегда звонил, что задерживается, пре-

дупреждал. Почему же вдруг сегодня, в важнейший день сдачи концепции, исчез без следа и безо всяких объяснений?

Может, и в самом деле познакомился с девушкой, профессионалкой или любительницей, да только та оказалась клофелинщицей, опоила Леньку, обокрала и выбросила помирать на улицу? Или его избили новые знакомцы-собутыльники? Или он просто попал в аварию? Или утонул, и его тело тихий Танаис сейчас медленно выносит в Азовское море?

Из-за этих мыслей день теперь уже не казался Татьяне радостным, праздничным. Открывать шампанское и ехать на пляж ей расхотелось окончательно. Она шла по изнуренной зноем улице Красных Партизан, и ее уже не радовали откровенные взгляды местных ловеласов, раздевающие ее с головы до ног. Она их не замечала: ею овладели новые заботы. Счастье, охватившее Таню после удачной презентации рекламной концепции, оказалось недолгим.

Вдруг зазвонил мобильник. Таня вздрогнула, просияла, лихорадочно запустила руку в сумочку – неужели Ленька?

– Татьяна Валерьевна? – раздался мужской голос. Голос смутно знакомый, но явно не Леонида.

– Да, это я, – настороженно ответила она. – С кем я разговариваю?..

– Глеб Захарович, – откликнулся голос.

Главный заказчик. Пастухов. Президент концерна «Юлиана».

«Откуда он узнал мой телефон?» – пронеслась быстрая мысль. Но спрашивать Татьяна не стала. Какая, собственно, разница. Теперь, когда рекламная концепция «Юлианы» утверждена, все равно пришлось бы сообщить главе концерна номер своего мобильного. А раз Глеб Захарович узнал его сам – ей же проще. И самолюбие приятно щекочет – ведь ради звонка ей великий шеф «Юлианы» отвлекся от бесчисленных хлопот по бизнесу. Поручил кому-то разузнать телефон, самолично, директорскими пальцами, отщелкал ее номер...

– Здравствуйте, Глеб Захарович. Рада вас слышать, – вежливо поздоровалась Таня. – Чем я могу вам помочь?

Она ожидала чего угодно. ГЗ мог попросить ее ускорить работу над сметой рекламной кампании. Или подъехать в офис для обсуждения деталей. Или, что тоже не исключено, барским тоном заявить, что он передумал и от услуг «Ясперс энд бразерс» отказывается. Но шеф «Юлианы» неожиданно спросил:

– Татьяна Валерьевна, вы уже пообедали?

Таня взглянула на часы: начало четвертого. А о том, чтобы поесть, из-за всех хлопот, сначала с презентацией, а потом – с поисками Леньки, Таня совсем забыла. Хотя здесь, в Кострове, обед в отличие от Москвы – мероприятие святое. Таня и сама начала принимать пищу строго по режиму, ровно в два. И организм, уже привыкший, что его кормят по часам, обычно около четырнадцати ноль-ноль начинал требовать пищи. Но сегодня – из-за противного Леньки, не иначе – есть ей не хотелось совершенно.

– Нет, я не обедала, – ответила она Глебу Захаровичу.

Хотела добавить, что так увлечена работой над его заказом, что даже поесть забыла, но решила по мелочи не врать.

– Отлично. – Тане показалось, что Пастухов обрадовался. – Тогда пообедаем вместе. В половине четвертого в ресторане «Каравелла» вас устроит?

Татьяну такое предложение не устраивало совершенно. И есть не хочется, и «Каравелла» эта расположена неудобно – на окраине Кострова; и, по большому счету, ей сейчас совсем не до главного заказчика, все мысли непутевым Ленькой заняты. Но отказываться, разумеется, нельзя.

– Конечно, Глеб Захарович, – вежливо ответила она. – Я подъеду.

Нажала на «отбой», еще раз взглянула на часы, вполголоса чертыхнулась. И – уже даже не просто московским скорым шагом, а несолидной трусцой – бросилась к обочине, ловить

машину. Чтобы успеть к половине четвертого, придется предлагать шоферу как минимум тройную плату.

В «Каравелле», самом модном костровском ресторане, Таня еще не бывала, но слышала о нем не раз. Помнится, Эрнест Максимович как-то в приступе квасного патриотизма изрек, что кабак сей даст сто очков любому парижскому «Максиму» или московскому «Пушкину».

– Вам обязательно нужно сходить в нашу «Каравеллу»! – наставляла Таню секретарша Изольда – она взяла на себя добровольную обязанность побыстрее втянуть новую начальницу в местную, костровскую, жизнь.

Но Тане совсем не хотелось туда идти. Во-первых, потому что ни парижский «Максим», ни московский «Пушкин» ей не особенно понравились: заплатишь сто баксов, а удовольствия получишь на рупь. В ресторанах она ценила не шик, а душевность. Не позолоту на стенах, но скромные интерьеры. Не надменных халдеев, но приветливых официантов. Не «художественное произведение» на тарелке, но вкусную по-домашнему кухню. А уж «шика по-костровски» не хотелось ей тем более. Да и потом – с кем ей идти в пресловутую «Каравеллу»? Не с Эрнестом же Максимовичем!

И она твердо отвечала назойливой секретарше:

– Успеется, Изольда Серафимовна. Еще схожу.

Честно говоря, Татьяна не думала, что повод на самом деле появится, но поди ж ты! Не зря любимый отчим, Валерочка, говорит, что очень часто самым грамотным решением оказывается – ждать и ничего не предпринимать, и тогда нужная дверца раскрывается перед тобой сама и без всяких с твоей стороны сверхусилий.

К «Каравелле» Таня подъехала без триумфа – на раздолбанном, ржавом «жигуленке». Конечно, в представительском «мерсе» с Вас-Палычем получилось бы куда эффектнее, но возмись она вызывать служебную машину, точно бы опоздала. А Таня считала, что лучше явиться на «ржавчине», но вовремя. У них с боссом «Юлианы» не свидание, а деловая встреча, и она ему не подруга, которой по неписаному кодексу полагается опаздывать, а деловой партнер. Поэтому за минуту до назначенного времени, в три двадцать девять, Таня входила в зал.

Глеб Захарович уже был здесь. Восседал, разумеется, за лучшим столиком – в симпатичной нише у огромного окна с видом на все тот же Танаис: единственную, по большому счету, костровскую достопримечательность. «Интересно, приподнимется он, когда меня увидит?» – загадала Таня (она уже привыкла, что местный бомонд хорошими манерами себя не утруждает).

Но Глеб Захарович оказался человеком воспитанным – не только поднялся, но и руку поцеловал, и улыбнулся чарующе, и, отстранив метрдотеля, отодвинул перед ней стул. И первым делом, едва Татьяна уселась, поблагодарил:

– Спасибо, что приехали, Татьяна Валерьевна. Извините, что так спонтанно получилось.

Тут Таня и вовсе едва удержалась, чтобы рот от удивления не разинуть – *большой босс* (а как еще назвать местного царька, директора гигантского предприятия?) извинялся за то, что какой-то соплюшке из-за него пришлось срочно ловить машину и всю дорогу умолять шофера прибавить газу?

– Все нормально, Глеб Захарович, – скупой улыбнулась она. И впервые рассмотрела директора «Юлианы» внимательно. То есть не как партнера по бизнесу, а как *мужчину*. Что ж, он хоть и в возрасте – сороковник, а то и сорок пять, точно справил, – но выглядит вполне достойно. Шевелюра пышная, без проплешин (неужели наращивал?), фигура поджарая, животик сведен к минимуму, лицо загорелое (в солярий, что ли, захаживает?). И костюм почти безупречный – на местных-то боссах, как Таня успела заметить, одежда, пусть и дорогая, вечно сидит мешком. А у Глеба Захаровича – костюм точно по фигуре. И рубашка в тон. Только галстук слегка подкачал – цвет не самый удачный, и узел завязан горбом.

«Не будь мы партнерами, я бы ему сюда не синий, а темно-бордовый галстук посоветовала, – вдруг подумала Таня. – И завязала бы сама – спасибо Валерочке, научил». Впрочем, тут же застыдилась непрошеной мысли, выгнала ее из головы и светски поинтересовалась:

– По какому поводу мы встречаемся?

– Вводим новую традицию – вместе обедать, – немедленно откликнулся Глеб Захарович. – Вы, надеюсь, не против?

«Можно подумать, у меня есть право отказаться!»

– Конечно, я только «за», – улыбнулась Садовникова.

– Тогда заказывайте. Бизнес-ланч не рекомендую, а вот судак по-польски здесь достойный.

– Что ж, пусть будет судак по-польски, – легко согласилась Таня. – И свежавыжатый апельсиновый, – добавила она подскочившему официанту. – И в конце – двойной эспрессо.

Глеб Захарович одобрительно взглянул на нее и велел подаvale:

– Мне все то же самое.

Официант поспешил в направлении кухни, а Глеб Захарович неожиданно сказал:

– Вы мне нравитесь, Татьяна Валерьевна.

«М-да, вот это уж совсем ни к чему».

– Вы мне тоже, – мгновенно отреагировала она. – И что из того?

– Вы не дослушали, – тонко улыбнулся Захарович. – Мне нравится, что вы умеете нестандартно мыслить. Что вы легки на подъем. И быстро принимаете решения. Качества, прямо скажем, для девушек очень редкие.

– В данном случае я не совсем девушка, – ухмыльнулась Татьяна. – Я в первую очередь директор.

Но Глеб Захарович не сдавался:

– *Очаровательный* директор.

Татьяна нахмурилась:

– Глеб Захарович...

– Позвольте, я закончу, – перебил он. – Неделию назад вы чрезвычайно *очаровательно* подвернулись мне на теннисном корте и после игры не менее чарующе исчезли... Я всю неделю голову ломал: откуда взялась сия прекрасная ундины? И только сегодня, на презентации, все разъяснилось. Вы со всеми заказчиками так себя ведете?

– Нет, только с серьезными, – в тон ему ответила Татьяна.

– И проиграли вы мне на корте, конечно, тоже *специально*, – констатировал Глеб Захарович.

– Что вы! – притворно возмутилась Таня. – Вы победили в честной борьбе.

Тон президента «Юлианы» вдруг похолодел:

– Сразу видно *школу*.

– Чью? – не поняла Татьяна.

Глеб Захарович остро взглянул ей в глаза и вдруг ответил:

– Валерия Петровича.

– Что-о? – опешила она.

– Школу Валерия Петровича Ходасевича. Полковника ФСБ. Вашего отчима.

Таня почувствовала, как коленки наливаются противной дрожью.

«Взять себя в руки! Немедленно!»

Ей помог официант – принес бокалы с апельсиновым соком и блюдо с ароматным свежее испеченным хлебом. Пока он крутился у стола, расставлял, Таня лихорадочно соображала: что значит сей неожиданный выпад?

– Вы знакомы с моим отчимом? – спросила она, когда официант отошел.

– И в руках себя умеете держать, – не отвечая на вопрос, одобрил Глеб Захарович.

Татьяна начала злиться:

– Глеб Захарович, а вам не кажется, что наш разговор идет как-то странно?

– Пейте сок, Татьяна Валерьевна, – небрежным тоном предложил глава «Юлианы».

– Спасибо, я выпью. – К соку она не притронулась. – Только будьте добры сначала объяснить...

– Ах, боже мой! – снова перебил ее Глеб Захарович. – Да что вы так разволновались? Мне просто стало интересно – кто же такая эта замечательная деву... то есть директор – Татьяна Садовникова? И я навел справки. Происхождение, образование, кто родители... Обычный интерес... к партнеру по бизнесу.

– Вообще-то я еще диссертацию по психологии рекламы защитила. А в прошлом году получила «Серебряную стрелу» за рекламу пива. И в Каннах на награду номинировалась. Но вас это все, конечно, не заинтересовало. Профессия моего отчима оказалась для вас куда важнее. Хотя должна, между прочим, заметить, что ни в одной анкете я никогда не писала, что мой отчим – полковник ФСБ. Просто отмечала: «военнослужащий». Так что ваши люди глубоко копали.

– А еще я узнал, что вы не замужем, – прервал ее Глеб Захарович. – Почему?

– Замуж я не хочу, – отрезала Татьяна. – Будут еще вопросы?

– Да, – кивнул он. – Когда мы с вами сыграем в теннис?

Таня откинулась на стуле. Глубоко вздохнула. Глотнула сока. Больше всего ей сейчас хотелось просто уйти. Сбросить с колен крахмальную салфетку, подняться и пожелать Глебу Захаровичу всего доброго. А завтра улететь из Кострова прочь. В любимую Москву. И пусть рекламой «Юлианы» занимается Эрнест Максимович. И он же – играет с президентом концерна в теннис.

А Глеб Захарович вдруг улыбнулся – широкой, теплой, обволакивающей улыбкой:

– Вы рассердились, Таня... Татьяна Валерьевна?

– Да, – не стала притворяться она. – Не люблю, когда лезут в мою личную жизнь.

– Это только потому, что вы мне нравитесь. Очень нравитесь. И я просто захотел узнать о вас побольше... Что в этом плохого?

– Вы тоже мне нравились, – парировала она. – До тех пор, пока не начали *наводить справки*.

– Так что насчет партии в теннис? – не принял вызова он.

...А глаза у него, пожалуй, красивые. Глубокие. И серые, как река Танаис в непогожий день. И что, собственно, особенно странного в том, что он озаботился узнать ее биографию? Ей разве есть что скрывать?.. Да и теннис с главным заказчиком пойдет исключительно на пользу делу...

– Хорошо, Глеб Захарович, – устало улыбнулась Татьяна. – Я сыграю с вами в теннис. Когда?

– Завтра, в двадцать ноль-ноль, – быстро ответил он. – Вам удобно?

На это время Таня была записана к массажистке. Надо не забыть отменить.

– Да, мне это подходит, – кивнула она.

Из недр ресторанного зала возник официант с тарелками, на которых исходил паром судак по-польски.

– Ну и отлично, – сразу повеселел босс «Юлианы». И приказал: – А теперь давайте обедать.

Когда вместе вышли из «Каравеллы», Глеб Захарович и слушать не захотел, чтобы Таня ловила такси: «Я вас сам отвезу, мне все равно в центр надо».

Возражать Таня не стала, и пятнадцатиминутная поездка на директорском «Лексусе» прошла под пустопорожную околотеннисную, околпогодную и краеведческую болтовню. На

прощание Глеб Захарович вышел из лимузина, распахнул перед ней дверцу и галантно приложился к ручке. За церемонией внимательно надзидала охрана из трех человек, высыпавшая из джипа, – он всю дорогу следовал за «Лексусом».

– Значит, до завтра, Танечка, до восьми вечера, на том же корте, – бархатно проговорил Пастухов на прощание.

«Эх, жаль, у Эрнеста Максимыча с Серафимовной на другую сторону окна выходят! А то бы лопнули оба от зависти!»

Однако, возвратившись в офис, Татьяна постаралась тут же выкинуть навязчивого директора «Юлианы» из головы. Окончательно и бесповоротно решила: сейчас приоритет – это Ленья. И поиски его лежат на ее совести. Она, в конце концов, здесь начальница. Директор филиала. Руководитель хоть маленького, но коллектива. Значит, она несет ответственность за каждого своего сотрудника. К тому же Ленья, как и она, чужак. Он один в этом городе. Никого из близких у него здесь нет. Если разбираться, в Кострове вообще нет человека, более близкого Лене, чем она. И, несмотря на то что не случилось меж ними никакого интима (а может, и потому, что не случилось), отношения их были самыми теплыми. Дружескими, можно сказать.

Вернувшись в офис, Таня первым делом вторглась в кабинетик Эрнеста Максимовича. Тот царил в кресле, просматривая кипу местных и центральных газет. На его важных затылках поблескивали бисеринки пота. Когда Татьяна вошла, он от своего занятия не оторвался, хотя прекраснейшим образом заметил ее появление.

– Эрнест Максимыч, у меня к вам дело, – без предисловий начала Татьяна.

– Да-да? – Сотрудник глянул на нее поверх очков.

– Куда-то пропал Ленья Шангин. Вы, Эрнест Максимович, должны его найти.

– Я-я? – надменно протянул собеседник. – Я что же, похож на Шерлока Холмса?

У Татьяны чуть не сорвалось: «Нет, не похожи, – потому что Шерлок Холмс, когда к нему входила молодая леди, вставал, а даме предлагал сесть». Но сейчас совсем не время было ссориться с Максимычем. Поэтому Таня смиренно сказала:

– Нет, на Холмса вы не похожи, но у вас в городе огромные связи. Вас все здесь знают. Вы с половиной города в теннис играете.

Это была чистая правда. Все свои сорок семь лет Черединский прожил в Кострове. Почти четверть века протрубил в главной партийной газете «Заря Кострова», а в начале девяностых по какому-то недоразумению попал в филиал международного концерна «Ясперс энд бразерс». Числился сначала на должности копирайтера, а потом, по еще большему недоразумению, стал исполнять обязанности директора. Татьяна не знала, сколь успешно Эрнест справлялся с директорством (наверное, не очень хорошо, потому что на его должность прислали ее), а вот в том, что копирайтер он никакой, уже убедилась. Копирайтер должен мыслить образами и короткими афористичными предложениями. Эрнест Максимович мыслил передовицами: назидательными, псевдопублицистическими кирпичами объемом минимум в триста строк.

Татьяна хотела Черединского из конторы выжить – и за бесталанность, и в ответ на явный остракизм, которому он подверг ее. Однако, подумав, военные действия отложила. Потому что имелся у Эрнеста незаменимый талант: он знал в городе всех и вся, был вхож во властные кабинеты, и многие сильные мира сего (костровского масштаба) приглашали его то в баньку, то на рыбалку, то на охоту, то на корт... И когда надо было срочно разместить объявление в местных газетах, или арендовать места под «наружку» подешевле, или организовать презентацию в хорошем ресторане – тут Эрнест Максимович чувствовал себя как рыба в воде: лучился, названивал, бегал. И в конце концов устраивал все в лучшем виде.

А время, свободное от вращения в сферах, Максимыч проводил в своем кабинете, важно просматривая газеты. Сейчас у него был как раз такой бездеятельный период.

– Итак? – Черединский сдернул с носа очки для чтения и водрузил на переносицу другие, для дали. – Проясните мне в подробностях – что происходит?

Оборот, исполненный важности: «проясните мне в подробностях», был бы органичен, скажем, для Глеба Захаровича, но в устах Эрнеста звучал по меньшей мере смешно. Но Таня постаралась не обращать на сие внимания и вкратце обрисовала ситуацию: на работу Ленька не вышел, дома его нет, машина неизвестно где. Не мог бы Эрнест Максимович позвонить по своим каналам в милицию, ГАИ, облздрав? Узнать, может, Шангин попал в аварию, угодил в больницу или его забрали в ментуру?

– Или дайте мне телефоны ваших знакомых, – простодушно попросила Таня, – я сама их обзвоню.

«Черединского все равно рано или поздно придется увольнять и на себя переводить все его связи. Почему бы под сурдинку не начать процесс переключения прямо сейчас?»

– Э-э, нет, – Эрнест Максимович аж ручки от удовольствия потер. Какой подарок судьбы: московский конкурент, мальчишка Ленька, сгинул неизвестно куда. Разве Черединский упустит удовольствие первым услышать, что Шангин угодил в медвытрезвитель! – Я сам этим займусь.

– А может быть, не спешить? – изобразила сомнение Таня. – Может, подождать? Он сам найдется?

Но Эрнест Максимович уже заглотнул наживку и с крючка срываться не пожелал.

– Да что вы, Татьяна, м-м, Валерьевна, как мы с вами можем бросить нашего, м-м, товарища на произвол судьбы?! Обязательно надо звонить, узнавать, что с Леонидом. При чем немедленно! Вы что?! В городе такая преступность! Недаром раньше говорили: «Костров-папа»! Вон, «молодежка» сегодня написала: на территории заброшенного завода сельхозмашин нашли неопознанный труп. Может, это Леня и есть – не дай бог, конечно! Нет-нет, я начну выяснять, причем немедленно!

Черединский с воодушевлением скинул одни очки, нацепил другие и достал из верхнего ящика стола главное богатство, нажитое им за долгие годы: пухлый еженедельник с прямыми номерами телефонов всех сколь-нибудь значимых в Кострове людей. Таня давно на эту книжку облизывалась.

– В последний раз его видели вчера в два часа дня, – пояснила она, – Леня на машине вроде бы на пляж собирался. А машина у Леонида – серая «девятка», номер икс, триста двадцать два, икс эм. – На цифры у нее была прекрасная память.

– Да-да, – рассеянно молвил Эрнест Максимович, – я все узнаю. – Он черкнул номер машины на перекидном календаре и стал набирать телефонный номер.

Татьяна отправилась к себе и провела час за скучнейшим делом: верстая календарный план рекламной кампании «Юлианы».

...А около шести к ней в кабинет явился (естественно, без стука и без доклада) Черединский и сообщил:

– Ваш Леонид нигде не обнаружен. В сводках ДТП ни он, ни его машина не значатся. В моргах такого не числится. Неопознанный труп с завода сельхозмашин оказался бомжом пятидесяти пяти лет. В больницах Шангина нет, неизвестных пациентов его пола и возраста – тоже. И в медвытрезвителе он, к сожалению, тоже не обнаружен.

«Оговорочка по Фрейду».

– К сожалению? – подняла бровь Таня.

Эрнест Максимович ничуть не смутился:

– Я имею в виду: очень жаль, что его не нашел. Кстати, я прямо сейчас по нашему делу отправляюсь в «Каравеллу» ужинать с одним полковником из местного УВД. Попросить его объявить машину Шангина в розыск?

– Я думаю, не помешает.

– Я бы мог еще попросить полковника, чтобы он навел справки в аэропорту и на вокзале: не брал ли Шангин куда в последнее время билет. Для меня полковник сделает.

Таня поморщилась:

– Это пока, думаю, будет лишним.

– Тогда я попрошаю полковника, что вообще творится в городе. Может, это наведет меня на след.

– Хорошо, Эрнест Максимович, идите.

Таня так и не поняла: существовал ли ужин с милицейским полковником в действительности, или Черединский нафантазировал, чтобы найти предлог пораньше смыться с работы.

– Вася, Васенька, что же нам делать?!

– Не знаю. Не знаю я. Представления не имею.

– Может, опять в милицию позвонить?

– Ну, и что они тебе скажут?

– Просто... Напомним...

– Не надо их дергать. Они бы, если что нашли, сами б позвонили.

– Но я не могу, не могу просто сидеть сложа руки и ждать! Понимаешь ты это или нет?!

– А что ты предлагаешь?

– Я не знаю. Не знаю! Ты же у нас мужчина – ты и решай!

– Люся, успокойся, пожалуйста.

– Тебе хорошо говорить! Конечно! Это ж не твои дети, а мои!

– Люся, ну что ты болтаешь такое?.. Перестань! Как у тебя язык поворачивается?!

Ты же знаешь, как я люблю и Валечку, и Сашеньку...

– Да?! Почему-то, глядя на тебя, этого не скажешь. Особенно судя по тому, как ты тут сидишь, котлеты уплетаешь. Спокойный, словно удав!

– Люся, ну что я могу сделать?

– Что ты можешь сделать!.. Да мне от тебя ничего не нужно. Ничего!

Она без сил опустилась на кухонную табуретку и тихо заплакала.

– Люсь, ну не надо...

Она продолжала плакать.

Он осторожно отодвинул тарелку с недоеденными макаронами и куском котлеты.

– Знаешь, Люсь, я с мужиками нашими из гаражей договорился. Сейчас, пока еще светло, мы пойдем прочедем весь берег Танаиса. От Мотылевской до самого Третьего квартала. А где не успеем посмотреть, завтра с утра пойдем. Я на завтра отгул взял. И мужики все мои – тоже.

– А что ж ты раньше-то молчал? – сказала она, по-прежнему всхлипывая, но сквозь слезы на ее лице проявилась робкая улыбка.

– Не знаю, – пожал он плечами и тоже попытался улыбнуться.

– А можно я с вами пойду?

– Ты? Зачем, Люся?

– А что, предлагаешь мне одной сидеть дома и тупо ждать?!

– Ну... Я не знаю... – растерянно бормочет он. – Как ты пойдешь? Тут ведь по-всякому бывает... Может, мы Вальку и Сашку не самих найдем, а... Ну, тела ихние, короче...

По тому, как жена вздрогнула и залилась слезами еще пуще, он понял, что сморозил глупость, и испуганно заорал:

– Люся! Люся! Да ты не слушай меня! Не слушай язык мой поганый! Сам не знаю, что несу. Да все будет нормально, Люся! Да живы, живы они! Я уверен!

Глава 3

Таня засиделась на работе. Уже давно ушла Изольда Серафимовна, отпросился и радостно укатил на «мерине» шофер Вас-Палыч, а она все торчала за своим ноутбуком, тасовала программу рекламных мероприятий, перекладывала так и эдак пасьянс из них.

Говоря откровенно, о рекламе ей думать абсолютно не хотелось. Мысли то и дело перекакивали с высокоумных *слоганов* и *генезиса* на всякую ерунду. А *ерундой* – опять же, если честно, – был директор «Юлианы» Глеб Захарович Пастухов. Харизматическая, как ни крути, личность. Насильно выкидываешь его из головы, а не получается... Чего вдруг ему приспичило приглашать ее на обед? И уж тем более – наводить о ней справки? Неужели влюбился?

На этой мысли Таня улыбнулась. Хорошо бы, конечно, если б Глеб Захарович в нее втрескался. Втрескался безответно, отчаянно и безнадежно. Тогда ему, под видом рекламы, можно будет любую халтуру втюхать... Впрочем, о чем это она? Какая может быть любовь у генерального директора? Богатого и самодостаточного сорокалетнего мужчины? Такие не влюбляются. Девчушек снимают – это да. А вот любовь, тем более с первого взгляда, у серьезных бизнесменов не случается. Президенты концернов голов терять не умеют – иначе б они не в бизнес, а в поэзию пошли.

«Впрочем, даже если вдруг любовь, все равно от ГЗ надо держаться подальше, – решила Татьяна. – В теннис, конечно, сыграю – исключительно для пользы дела. Но в ресторан, если еще раз пригласит, не пойду. Есть в этом Захаровиче что-то... – она задумалась над формулировкой, –стораживающее, что ли...»

Но на смену разумной мысли тут же поспешила неразумная: «А хорошо бы, если б он сейчас позвонил!»

Таня даже расстроилась – надо ж, какая чепуха в голову лезет. Это, наверное, оттого, что она в этом Кострове очень одинока. И с работы ей даже некуда спешить. Какая у нее альтернатива пустынному ночному офису? Только сидеть дома и смотреть телевизор, а это еще скучнее, чем обсчитывать рекламную концепцию... Но что поделаешь, если никого здесь, в городе, она не знает настолько, чтобы с ним хотелось провести свободный вечер. Да что говорить, она даже маникюршу с парикмахершей нашла с трудом – с третьей или четвертой попытки каждую – и не была довольна ни той, ни другой. Еще и Ленька исчез. С ним, пока он был рядом, хоть можно было потреться, иногда после работы даже пива выпить. Но где он сейчас?

Мысли Тани перекинулись к тому, о чем она старательно пыталась забыть всю вторую половину дня: к исчезновению Леонида. Вдруг вспомнилась их последняя встреча. Подумать только: это было всего лишь позавчера, в субботу, а столько всего произошло, что кажется, сто лет минуло.

Они тогда засиделись с Ленькой в офисе капитально, аж за полночь. Вычитывали последний раз черновик концепции, вычесывали оттуда блох, даже слегка порепетировали каверзные вопросы, которые будет задавать ГЗ – главный заказчик, Глеб Захарович Пастухов. Потом наконец два экземпляра чистовика положили на стол в предбаннике: с утра в воскресенье придет Изольда, сделает на ксероксе десять копий и отдаст в срочный переплет...

За двое суток до описываемых событий

Таня и Ленчик вдвоем вышли из офиса в ночь. На душе у Тани было чрезвычайно легко – как бывает, только когда заканчиваешь долгую и важную работу. Ночной Костров – точнее, самый его центр, главные улицы, – жил расслабленной вечерней жизнью. Светили фонари, по

тротуарам передвигались группки подвыпившего молодняка, подмигивали вывески клубов и баров.

На углу Красных Партизан и Гоголя ловили машину трое совсем уж пьяных лейтенантиков в парадных рубашках. Рядом с ними хихикали двое их подружек. С плеч подружек свисали парадные кители, а на девичьих прическах красовались лейтенантские фуражки. Похоже, местное военное училище праздновало выпуск. «Гуляйте пока, мальчики, – подумала Таня, – недолго вам еще осталось. Скоро разъедетесь по гарнизонам, там вам не то что такси, трамвай раем покажется».

Лейтенантики долго обсуждали что-то с водителем остановившейся машины – тот не соглашался ехать, и пьяный офицерик в сердцах грохнул дверцей: «А-а, чтоб у тебя тосол повытек!»

Таня с Ленчиком повернули на Красных Партизан. Они оставили свои машины на стоянке во дворе офиса и решили пройти пешком.

– Может, зайдём отметить впечатляющий успех? – предложил Ленчик.

– Рано говорить об успехе, – ответила Таня, – по дереву постучи.

Леня с готовностью постучал самого себя по голове. Таня рассмеялась. Шангин взял ее под локоток и увлек в сторону ресторанчика под именем «Амазонки Танаиса». Хорошее название, если вспомнить, что антики считали: именно в здешних местах, в дельте Танаиса, гнездятся амазонки.

– Куда это ты, Ленчик, намылился?

– Зайдем, выпьем по рюмочке. Пока не за успех. А только в честь окончания работы.

Она пожала плечами, но не стала сопротивляться.

В ресторане, куда они временами заруливали на бизнес-ланчи, сейчас, в субботний вечер, оказалось на удивление тихо. За дальним столиком расположились четверо уже хорошо подвыпивших мужчин. Знакомый бармен поздоровался с Таней и Леной первым.

Таня заказала мартини, Леня – «полстакана водки».

– И музыку какую-нибудь поставьте, – попросила Таня.

Кто-то из мужчин за дальним столом время от времени звонко икал, и каждый ик сопровождался громовым ржанием товарищей.

– Какую музыку желаете? – спросил бармен.

– Битлов нам можете поставить? – попросила Таня. – Есть у вас такое старье?

– В Греции все есть, – улыбнулся бармен, – вы садитесь, я сейчас принесу ваши напитки.

Таня и Ленчик уселись за столик. «Хэй, Джуд», – запел магнитофон. Бармен возник у столика с рюмкой мартини и стаканом, в котором плескалась водка.

– Чего-нибудь еще желаете?

– Желаю, – сказал Леня, – мою порцию повторить. Прямо сейчас.

И не успел бармен отойти от стола, как он единым махом опрокинул водку в себя. Таня удивленно на него посмотрела и пригубила мартини. Бармен одобрительно рассмеялся выходке Лени и тут же унес его пустой стакан. Через минуту появился с новым, уже полным.

– Может, тебе закусить чего-нибудь взять? – предложила Таня.

– После первой не закусываю, – залихватски ответил Леня. – А также после второй и третьей.

И он снова опрокинул стакан, крикнул и выразительно потряс им в воздухе, привлекая внимание бармена.

– Повторить? – прокричал тот от стойки.

– Естественно! – перекрикивая песню «Вселенная», проорал Леня.

– Может, тебе притормозить маленько? – строго сказала Таня.

Ей только не хватало проблем с пьяным спутником.

– Имею право, – махнул рукой Ленчик. – Или мы не скинули сегодня концепцию? Или мы не можем слегка расслабиться?

У столика снова материализовался бармен – с третьей порцией водки.

– Исчезни, – сказала ему Таня. – Не понял?

– Не понял, – покачал головой тот.

– Унеси, говорю, свою водку.

– Что я ее, выливать должен? – возмутился бармен.

– Что хочешь с ней делай, а Шарикову больше не наливать.

– А может, ты и права, – расхохотался Леня. – Может, мне и вправду лучше не напиваться? При условии, что нам с тобой сегодня предстоит...

– А что нам с тобой предстоит?

– Как что? – казалось, удивился Леня и накрыл Танину кисть своей ладонью. – Ночь любви.

Таня вырвала руку и расхохоталась:

– Ты серьезно?

– Более чем, – обиделся Леня. – А ты что, против?

Таня почувствовала разочарование. Оно возникало всегда, когда разрушался ореол. Когда мужчина, которого она ценила и уважала, кто угодно – приятель, коллега, сосед, – вдруг «сбрасывал шкурку» и оказывался не романтическим героем, а просто, как говаривала ее мама Юлия Николаевна, пустоцветом. Ну разве такими словами предлагают ночь любви? И разве заинтересует ее эта ночь – со смешным, взлохмаченным и уже очень нетрезвым Ленчиком?

– Ну, погнали к тебе? – Ленчик, похоже, не сомневался, что возражать она не станет.

Обижать его не хотелось, и она обтекаемо пробормотала:

– Как-то, знаешь ли, слишком неожиданно...

– Почему неожиданно? Ты что, разве не видишь, как я к тебе отношусь? Что я, можно сказать, влюблен в тебя?

Ленина рука полезла погладить обнаженную Танину руку: поползла, крадучись, от запястья к предплечью. Таня отстранилась. Усмехнулась, передразнила:

– «Влюблен, можно сказать». А что еще ты *можешь сказать*?

– Ну, влюблен, влюблен. По-настоящему. Что ты к словам придираешься?

Похоже, Ленчик принимал ее сопротивление всего лишь за кокетство.

– А тебе, – насмешливо проговорила Таня, – не приходило в голову, что прежде чем в койку тащить, надо для начала на предмет своей любви впечатление произвести? Цветочки, к примеру, подарить? В кино сводить? Слова разные сказать?

Ей совсем не нужно было цветов от Ленчика. И в кино с ним идти тоже не хотелось. Просто так сказала, чтобы отвязался. Может, и правда – за цветами побежит? А она в это время по-тихому домой смоеся.

– Ну-у-у, Таня, мы же с тобой взрослые люди, – проныл Леонид. – Какие, на фиг, цветочки?

– Бред какой-то, – дернула плечом Таня. – Детский сад.

Вдруг она кожей почувствовала смутную угрозу.

Нет, угроза исходила не от Лени с его глупыми приставаниями, а оттуда, из-за спины, где сидели четверо пьяных мужчин.

Она оглянулась.

Шестое чувство ее не обмануло. К их столику приближался огромный пьяный мужик. Он набычился и сосредоточился, стараясь идти по прямой. Трое других наблюдали за ним, предвкушая потеху. Магнитофон заиграл «Мишел».

Мужик подошел вплотную, навис над Таниным плечом, схватился для надежности за спинку ее стула. Леня смотрел на него поверх ее головы. В его глазах не было испуга, одно только любопытство.

Мужчина нагнулся ближе к Тане.

– Раз-зрешите пригласить вас на танец, – старательно выговорил он.

От него пахло перегаром пополам с потом. «Во, влипла, – отстраненно, будто все происходило не с ней, подумала Таня. А потом в адрес Лени: – Ну, влюбленный, что ты-то скажешь?»

– Отвали, – небрежно бросил Леня пьяному.

– Чии-во?!

Мужик отлепился от Таниного стула и угрожающе сделал шаг в сторону Лени.

– Отвали от девушки, говорю. Не понял, что ли?

– Ты, мля, урод! Че ты тут на меня?!

– Мальчики, не ссорьтесь, – сказала Таня и встала. Ею потихоньку овладевала паника. Мужчина был на голову выше ее спутника и килограммов на тридцать тяжелее. – Леня, пошли отсюда.

Ленчик встал из-за стола. Теперь он выглядел слегка растерянным.

– С-сидеть!!! – рявкнул ему мужик.

И тут – Таня в тот момент толком даже не поняла, что случилось, лишь потом, вспоминая, воссоздала последовательность действий – Шангин сделал резкий выпад рукой. Выпад был очень быстрый, и ей показалось, что сжатая Ленина ладонь лишь слегка коснулась заплывшего жиром горла мужика. Однако он вдруг захрипел. Потом схватился за горло. Глаза его стали вылезать из орбит. Леня смотрел на него с интересом – словно на подопытное животное.

Трое товарищей мужика тоже наблюдали за происходящим от своего столика. Они предвкушали потеху, а теперь на их пьяных лицах отражалось недоумение. События развивались совсем не по их сценарию.

Незадачливый танцор стал оседать на пол. Глаза его устало закрылись. Вдруг он прекратил свое плавное сползание и разом рухнул. Голова, ударившись о пол, издала жутковатый стук.

– А теперь – уходим!

Леня схватил Таню за руку и бросился к выходу из бара. Она не заставила себя ждать. Краем глаза она видела, как из-за дальнего столика угрожающе поднимается еще один из пьяных мужиков.

Леня на бегу бросил на стойку бара пятисотрублевку.

– Сдачи не надо!

Они вдвоем выскочили на улицу.

Леня по-прежнему держал Таню за руку, но она вырвалась и припустила по главной улице. Хорошо, что она была в брюках и мокалинах. Испуганно шарахнулась в сторону ночная бабка – собирательница пустых бутылок. Леня бежал чуть сзади, прикрывал тылы, размеренно дышал.

Они свернули за угол, на улицу Володарского. Поворачивая, Таня оглянулась в сторону ресторанчика.

Погони не было. Забежав за угол, она перешла на шаг. Леня пошел рядом.

– Идиот, – сквозь зубы пробормотала Таня.

Шангин довольно расхохотался.

– Что смешного! – возмутилась она. – Девушку спас от хулиганов?! Брюсом Ли себя возомнил? Так уверяю тебя: не похож!

И грустно подумала о том, что давно минули те времена, когда ее можно было *завоевать* крепкими кулаками. Переросла она уже Брюсов Ли...

Леня обнял ее за плечи:

– И так будет с каждым, кто покусится...

Она молча вывернулась из его объятий, пошла быстрее. Темная улица спускалась к набережной. С каждым шагом Таня приближалась к своему дому.

– Видишь, какая в Кострове криминогенная ситуация, – захихикал Ленчик. – Теперь я просто обязан проводить тебя до дома.

Таня ничего не ответила, прибавила шаг. Почему все мужики такие козлы?! Надо же было все испортить! После сброшенной с плеч добротной работы такое замечательное солнечное настроение имело место, а теперь из-за глупых Лениных приставаний и пьяных драк вся радость куда-то испарилась. Но в глубине души – совсем в глубине! – она слегка все же восторгалась им. Как он этого бугая! Р-раз – и тот уже на полу. Будем надеяться, Леня его не убил. Как булгаковская Маргарита – как и любая другая женщина! – Татьяна восторгалась мужчинами, умеющими что-либо делать в совершенстве.

– Ты что у нас – каратист? – спросила она, меняя гнев на милость.

– Я еще и не то могу, – захихикал Леня. – Вот пригласишь меня домой, я покажу.

Опять двадцать пять.

– Какой ты зануда, право слово, – покачала головой Таня.

– Правильно. А знаешь, кто такой зануда? Тот, кому легче дать, чем сказать «нет».

– Нет, Леня. Нет и нет!

Они подошли к ее подъезду.

– Мадемуазель, позвольте проводить вас до квартиры, – проворковал Леонид. – В этом городе так беспокойно...

– Спасибо, не надо.

– Тогда один поцелуй. Прощальный, мирный.

«Дурак, – подумала Таня, – на самом деле он еще совсем теленок, несмотря на свое карате. Настоящие мужчины не спрашивают, можно ли поцеловать, а делают. Или хотя бы пытаются».

Словно услышав его мысли, Леня обнял ее за талию и потянулся к губам. Губы их соприкоснулись. От него пахло водкой. Она ничего не почувствовала, отдернула голову.

– Пошли к тебе, – прошептал Леня, держа ее за талию.

Таня высвободилась, покачала головой:

– Не сейчас.

– А когда?

Она пожала плечами. Леня как сексуальный партнер, несмотря на все его сегодняшние подвиги, ее совершенно не интересовал. Подумала: «Наверное, никогда», – но вслух ничего не сказала. Отступила на три шага.

– А мне-то что теперь делать? – жалобно оттопырил нижнюю губу Леня.

– Идти домой, – бросила она через плечо, открывая дверь подъезда.

– У меня, знаешь ли, эрекция.

– Ну, с этим не ко мне. Обратись к кому-нибудь другому, – расхохоталась она, захлопывая за собой дверь. На сетчатке глаза словно бы отпечатались картинка: Леня – бледный, взъерошенный, обиженный – стоит на расстоянии пяти шагов в полутемном дворе.

...Больше она его не видела. Странно подумать, что с тех пор не прошло еще двух суток.

Куда же, черт побери, этот дурак мог запропасться?!

И тут Таня неожиданно поняла с холодной отчетливостью: с Лениными талантами – много пить и лезть в драку – с ним могло случиться все, что угодно. И, в конце концов, его труп – тьфу, тьфу, тьфу, конечно, – пока могли просто не найти...

Татьяна посмотрела на часы: десять вечера. За окном совсем стемнело. Пожалуй, в офисе она действительно засиделась.

Таня придвинула к себе телефон и в сотый, наверное, раз набрала номер. За сегодняшний день она уже успела выучить его наизусть: Ленин домашний. Как было бы хорошо, если б он ответил! Нет. Глухо. Все тот же веселый автоответчик.

Теперь попробуем мобильный. Она его тоже за сегодняшний день вызубрила на память. Нет, та же песня: абонент не отвечает или временно недоступен...

Таня положила трубку, и тут телефон вдруг зазвонил сам. Она вздрогнула. Гудки далеко разносились в опустевшем офисе. Пару мгновений просидела неподвижно, не решаясь ответить. В голове вдруг вспыхнула глупейшая мысль: неужели... неужели это Глеб Захарович? Сегодня днем он тоже позвонил ей очень неожиданно...

Ф-фу, какая же чушь лезет в голову!

Она стряхнула с себя оцепенение и взяла трубку.

– Добрый вечер, Танюшка, – проговорил такой знакомый, милый голос.

– Привет, Валерочка! – обрадовалась она. Обрадовалась даже больше, чем если бы то оказался Глеб Захарович. Или даже Леня.

– Что это ты до сих пор на работе сидишь, а?

– Работаю, Валерочка, можешь себе представить! – весело отозвалась Татьяна. Вот кого ей не хватало больше всего в этом городе: ее отчима. Человека, который всегда выслушает, накормит, поймет, даст совет.

– Как прошла твоя презентация?

Отчим был единственным человеком в Москве (помимо, естественно, босса в центральном офисе), который знал, что у нее сегодня важный день: представление проекта заказчику. Таня даже маме ничего про презентацию не рассказала. Если бы мама знала, она уже с утра отправилась бы в церковь: молить бога за успех дочери. И названивать с вопросами: «Ну, как все прошло?» – начала бы не в десять вечера, как Валерочка, а еще в полдень. А потом разговорила бы о Танином успехе всем своим клушкам-подружкам. Ни к чему Тане столь пристальное внимание к собственной персоне. Вот отчим – другое дело. Он тоже болеет за ее успехи, да, может, и побольше маминого, но сдержанно, по-мужски. Без ажитации. Поэтому с ним и делиться приятно.

– Все прошло нормально, Валерочка, – проговорила Таня в трубку. – Просто прекрасно. Заказчик доволен.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Тогда почему ты до сих пор в офисе сидишь? Надо успех праздновать.

«Может, сказать ему про Леню? Все-таки отчим – полковник ФСБ. Если не поможет, так хоть совет даст?» Искушение было велико, но в итоге она решила: «Нет, пока не надо. Рано Валерочку будоражить. Попробуем справиться собственными силами».

– Да рано, Валерочка, праздновать. И не с кем, честно говоря. Вот потому и сижу, – улыбнулась она. И соврала: – К тому же надо срочно исправить в концепции отдельные мелкие недостатки.

– Хватит-хватит, не засиживайся в конторе-то, – по-отечески пробурчал Валерий Петрович. – От работы после семи вечера все равно никакого толку нет.

– Это у тебя нет, потому что ты ранняя пташка. А я сова. Я к ночи только раскочегариваюсь.

– У тебя ничего не случилось?

– Да нет. А почему ты спросил?

– Да голос у тебя какой-то...

– Да нет, что ты! А как ты там, в Москве, без меня? – Таня срочно принялась переводить разговор на другую тему.

– Скучаю.

– Как твоё здоровье? Давление? Не шалит?

Прошедшей зимой отчим загремел в госпиталь: давление двести двадцать на сто, микроинсульт. Мама, Юлия Николаевна, тогда развела панику. Высказывалась в смысле, что скоро, мол, хоронить Валерия Петровича придется. Татьяна на нее только цыкала. Уверяла, что Ходасевич так просто не сдастся и проскрипит еще до ста лет. До ста не до ста, но в тот раз отчим выкрутился на удивление даже быстро. Теперь только давление сам себе дважды в день мерил да атенолол с анаприлином временами пил.

– Врач говорит, что у меня давление, как у двадцатилетнего: сто двадцать на семьдесят.

– Не врешь?

– Святой истинный крест.

– Как там мама? – задала дежурный вопрос Татьяна.

– Прекрасно. Цветет и пахнет.

– Передавай ей привет от меня. И поцелуй.

– Привет передам, целовать не буду.

Отчим и ее мама развелись, когда Таня была совсем девочкой. И все эти годы Валерий Петрович отношения с бывшей женой поддерживал, но своего снисходительно-усмешливого отношения к ней не скрывал.

– Как там у вас в Москве погода?

– Дожди обложные. Льет пятый день, с утра до вечера.

– А у нас уже жара.

– Можно позавидовать.

– Нечему завидовать, Валерочка, все равно я не на пляже, а в офисе парюсь.

– А ты береги себя. Работа не волк, в лес не убежит.

– Кто бы говорил.

– Как раз я-то имею право. Я пенсионер, а стало быть, бездельник.

– Ну, вот и я на пенсии отдохну.

– Лучше начинай прямо сейчас.

От легкого, ни к чему не обязывающего трепа с отчимом у Тани потеплело на душе. Подумалось: что бы ни случилось, хотя бы один человек всегда будет на ее стороне. А то сегодня, из-за дурацкого исчезновения Лени, ей временами стало казаться: она одна, совсем одна – против всех. Против всего оставшегося мира. И весь мир на нее ополчился. Абсолютно весь, включая директора «Юлианы» Глеба Захаровича с его дурацкими вопросами-«подловками». Поэтому она сказала от всего сердца:

– Спасибо, Валерочка, что ты позвонил.

– И тебе спасибо.

– А мне-то за что?

– За то, что ответила. За то, что у тебя все хорошо. Ты же знаешь, – голос у отчима слегка дрогнул, – когда тебе хорошо, и мне хорошо.

«Стареет Валерочка, стареет, – подумалось Тане. – Раньше от него подобных излияний было не дожидаться».

Они распрощались и положили трубки, и Таня быстро засобиралась: она и впрямь рискует всю жизнь за работой просидеть, и ведь все равно никто не оценит.

Сегодня она поедет домой на машине, решила Таня. Хватит, нагулялась уже. Да и за окном темнотища, а в этом городе, как показывает история с Леной, бывает весьма неспокойно.

Вторник, 22 июня

Таня проснулась за пятнадцать минут до будильника: свежая, бодрая и, как ни странно, в предвкушении чего-то радостного. Кажется, ей снилось что-то хорошее, а вот что конкретно, она не могла вспомнить.

Она, по заведенной привычке, попила кофе на балконе. Солнце еще грело слабо, поутреннему, но опять обещало дневную жару. Яркие блики скакали по широкой реке. За буксирчиком расплывались сверкающие усы.

Кофе приятно освежал мозг, будоражил кровь. Что еще надо от жизни? Настоящий кофе, эффектный пейзаж. Она молода, здорова, красива, профессионально успешна. А всякие мелкие неприятности – что ж, все бывает. И все проходит. И Ленчик этот несчастный найдется. Ох, и задаст она ему перцу, когда он появится.

В Кострове начинали работать рано, а Таня, как прибыла сюда, решила завести обычай: появляться на службе и вовсе раньше всех. Она все-таки здесь начальница. Ноблэс, как говорится, оближ. Положение обязывает. Вначале ей, известной соне, тяжело было просыпаться по будильнику. Однако постепенно она привыкла и вот даже до будильника стала пробуждаться. Зато после раннего подъема день казался длинным-длинным, тянулся без конца, и все на свете можно было успеть.

По дороге в офис она попала в пробку – в пробку по местным, костровским, меркам: у железнодорожного вокзала простояла – подумать только! – аж целых семь минут. Повернула налево с улицы Володарского только на третьем цикле светофора. Но все равно подкатила к офису в половине десятого, за полчаса до официального начала рабочего дня. Никто еще не появлялся – даже ранняя птичка Вас-Палыч со своим представительским «меринком».

Таня припарковала «десятку» в густой тени акации. На ходу шелкнула центральным замком. Поднялась по ступенькам крыльца.

Офис размещался на первом этаже сталинского жилого дома, вход со двора. У дверей висела небольшая, неприметная, однако ярко надраенная медная вывеска: «Рекламное агентство «Ясперс энд бразерс». Российское отделение, южный филиал». Никаких понтов, все скромненько и со вкусом.

Таня достала ключи от входной двери, и тут кольнуло тревожное предчувствие. Что-то не то. Что-то случилось. Она помедлила. Ах вот оно в чем дело!

На ночь дверь филиала обычно опечатывалась. У каждого сотрудника имелась своя печатка с табельным номером. Тот, кто уходил последним, вжимал ее в пластилин, закрепляя в нем бечевку. Таня считала этот ритуал глупой проформой, но все равно исполняла. Не ею заведено, не ей отменять. К тому же лишняя предосторожность никому еще не вредила. Вот и вчера Таня, уходя последней, всандалила, по обыкновению, веревку в пластилин своей личной печаткой с гордым номером «один». Это она хорошо помнила. А сейчас...

Сейчас веревка из пластилина оказалась выдрана. Что случилось? Таня нахмурилась, осмотрела замок. Без видимых повреждений. Наверное, дети озоруют, отмахнулась она от тревожных предчувствий. Вставила ключ в личинку. Он вошел свободно, как всегда. Таня отперла дверь. И сразу же, с порога, поняла: в офисе неладно.

В крохотной прихожей на полу были рассыпаны бумаги. В углу валялся разбитый вдребезги горшок с ее любимым аспарагусом. Дверь в предбанник, который обычно сторожила Изольда Серафимовна, оказалась распахнута настежь. В потоках солнечного света было видно, что монитор, за которым обыкновенно восседала секретарша, валяется на полу.

У Тани перехватило дыхание. Она сделала шаг назад, на улицу, и вытащила из сумочки мобильный телефон.

Милиция не заставила себя ждать. Подъехали также шофер Вас-Палыч на «мерине» и Эрнест Максимович. Черединский тут же принялся названивать по телефонам самых важных местных милицейских начальников. Рядовые мильтоны, прислушиваясь к его переговорам с неведомыми Тане (но, похоже, прекрасно известными ментам) Афанасием Кириллычем и Заурбеком Цуцаевичем, работали споро и вели себя корректно.

Часам к одиннадцати стал очевиден масштаб причиненных разрушений. Налетчики побывали во всех помещениях. Первое впечатление было, что контора пала жертвой вандалов. Казалось, обезумевшие хулиганы сокрушили все, что можно было сломать или разбить. Мониторы валялись на полу. Налетчики вытряхнули документы из всех, без исключения, ящиков. Бумаги устилали пол – то горками, то ровным слоем. На маленькой кухоньке вперемешку валялись чашки, тарелки и немногочисленные продукты, лежавшие в холодильнике. Абсолютно все цветочные горшки оказались разбиты. Спинки и сиденья всех кресел вспороты. Походило на то, что орудовали какие-то варвары. Банда взбесившихся подростков.

Однако, когда милиционеры попытались снять возможные отпечатки пальцев с ручек дверей, таковых не оказалось. «Пальчики» были затерты – не слишком-то характерно для хулиганов. А когда Таню, как начальницу, а также Эрнеста Максимовича, как важного человека, допустили посмотреть, что из офиса пропало, выяснилось, что кое-что исчезло. Даже не «кое-что», а очень многое: похитили абсолютно все системные блоки всех стационарных компьютеров. (Слава богу, что Таня вчера, как чувствовала, свой ноутбук домой унесла.)

Похищение процессоров выглядело тем более странно оттого, что не исчез ни один монитор, принтер или ксерокс. Остались (но были покорены) и телевизор, и DVD-проигрыватель, и видеомagniтофон. На кухне уцелели микроволновка и посудомойка. Документы, кажется, никакие не пропали, но... В придачу к процессорам исчезли все какие бы то ни было носители информации. В офисе не оказалось ни одного CD – или DVD-диска, ни единой дискеты, ни одной видеокассеты.

– Похоже, на вас наехали конкуренты, – пробормотал седой симпатичный следователь, когда Таня рассказала ему о пропажах.

– У нас здесь нет конкурентов, – запальчиво ответила она и тут же пожалела, что сказала – зачем выдавать лишнюю информацию, тем паче в таком хвастливом тоне.

– Конкуренты, девушка, – усмехнулся следователь, – у всех на свете имеются. Даже у господ бога.

– А у него-то кто? – быстро спросила Таня, пытаясь подловить седовласого на слове.

– Дьявол, – немедленно хмыкнул в ответ следователь.

– Хорошо сказано, – не могла не оценить Татьяна. – Я вот только не понимаю, – вернулась она к делу, – в офисе есть сигнализация. Почему она не сработала?

– А преступники ее предварительно отключили. Заодно и всему подъезду телефоны обрезали.

– Умные ребята. А как они внутрь попали? Замки-то целы.

– Отмычкой открыли. Чистая работа.

– Значит, это не простые хулиганы были, а специалисты?

– Похоже, что так, – кивнул следователь.

– Значит, цель была – грабеж?

– Кража, – автоматически поправил седовласый.

– Зачем же они тогда все разгромили?

– Кто знает, – пожал плечами следователь. – Вы вот что, девушка... Хватит расспросов. Лучше займитесь делом. Раз уж вы здесь главная, давайте-ка напишите заявление. Перечислите, что конкретно пропало, а также примерную стоимость похищенного. И по возможности серийные номера изделий укажите.

– Можно подумать, вы что-нибудь найдете, – хмыкнула Татьяна.

– Все в жизни бывает, – меланхолично откликнулся следователь.

Подошел Эрнест Максимович, заговорщицки прошептал Тане: «Сейчас самое время нанести визит моему милицейскому полковнику». Таня отпустила его и даже дала представительский «Мерседес» с Вас-Палычем. А секретаршу Изольду отправила в магазин: надо же накормить хоть чем-то следователя и милицейских.

Сама же устроилась в предбаннике. Так как все кресла оказались изрезаны, она уселась писать заявление прямо на стол. На коленки себе подложила для твердости журнал «Космополитен».

Здесь же, в предбаннике, следователь начал заполнять бланк осмотра места преступления. Он писал стоя, используя в качестве рабочего стола широкий подоконник. Ему взялся диктовать молодой противный оперативник с холодными глазами: «...Осмотром также обнаружено, что оконные рамы не повреждены, стекла целы, внутренние шпингалеты застегнуты...» А Таня под это мерное бубнение писала: «...Были похищены: системный блок фирмы «Делл», выпуск 2003 года, ориентировочная стоимость 20 000 рублей, серийный номер неизвестен; системный блок фирмы «Компак»...» Только тот, кто вплотную сталкивается с преступлениями, знает, какое количество писанины сопровождает каждое из них.

Тут дверь офиса распахнулась, и на пороге возникла почтальонша.

– Ой, что это у вас! – ненатурально изумилась она, жадно обшаривая разгром своими востренькими глазками. Наверняка вездесущие соседи уже доложили ей о происшествии.

– Ограбление, – буркнула Таня.

– Какой ужас, – лицемерно вздохнула почтальонша; в ее глазах тем не менее читалась радость от того, что «буржуйскую контору» слегка раскулачили. – Зайти-то можно? Почту примете?

– Заходите, конечно.

Почтальонша осторожно прошлепала по усыпанному бумагами полу и протянула Тане кипу газет. Для Эрнеста Максимовича выписывались все семь городских изданий, а также куча центральной периодики.

– И два письма заказных, распишитесь.

Таня чиркнула своим «Монбланом» в квитанциях.

– А вот еще и простые письма.

– Давайте сюда.

– Кто ж это натворил-то, а? – проговорила почтальонша, настраиваясь на долгую сочувственную беседу.

– Идите отсюда, гражданка! – вдруг рявкнул опер. – Не мешайте работать!

Письмоноша вздрогнула от его грубого голоса, обиженно поджала губы и засеменила к выходу.

Таня стала рассеянно перебирать стопку писем. Счета, прямая рассылка, рекламные листовки. Рядом с ней, услышала она, остановился опер и стал заглядывать ей через плечо. А вот странное письмо. Стандартный конверт, обратного адреса нет, адрес офиса написан быстрым, торопливым пером. К нему приписка: «Садовниковой Т.В. – лично». Внутри что-то тяжелое, какая-то блямба. Сердце Тани забилося. Почерк показался смутно знакомым. Опер по-прежнему заглядывал ей через плечо. Она быстро сунула письмо под низ пачки и сосредоточилась на следующем. Адрес на нем также был написан от руки, но совсем другим, старательным старческим почерком.

– О, только не это, – театрально вздохнула Татьяна, отвлекая внимание опера от предыдущего, спрятанного письма.

Опер никак не прореагировал, и Таня пояснила, тряхнув конвертом:

– Сумасшедший один нам все пишет. Вот уже третий раз. Говорит, что придумал новую гениальную рекламу: надо снять пепси-колу и кока-колу в одном ролике. Просит себе за идею

пять тысяч рублей. А иначе, говорит, вы погибнете в конкурентной борьбе. Или ваш офис взорвут. Вы не можете привлечь этого чудака к уголовной ответственности?

Таня протянула оперу письмо старика. Тот буркнул:

– Это не наше дело, – и отошел.

Когда он отвернулся, Татьяна быстро-быстро сунула то самое, первое письмо в свою сумочку. Она была почти уверена, что знает, от кого оно.

Спустя пятнадцать минут Таня, сгорая от нетерпения, закончила-таки опись похищенного имущества и протянула листок следователю. Тот, оторвавшись от своего протокола, взялся его просматривать, а Таня, бросив: «Я на одну минуту», – выскользнула из предбанника.

Она заперлась в туалете и достала из сумочки то самое письмо. Сердце бухало вовсю где-то у горла. Таня нетерпеливо распечатала конверт. Из-за волнения он разорвался вкривь и вкось.

Оттуда выпала зеленая пластиковая блямба, похожая на номерок из театрального гардероба. На ней было вытиснено «113». Кроме того, к письму прилагалась квитанция – ее Таня, как и номерок, убрала обратно в сумку, – а также синий телеграфный бланк, исписанный с оборотной стороны торопливым почерком. Татьяна развернула бланк. Предчувствия ее не обманули. Это было письмо от Лени.

«Привет, дорогая Таня, – прочитала она наспех нацарапанные строчки. – Я виноват перед тобой и перед нашим общим делом. Ты вправе спросить, как, наверное, не раз уже спрашивала саму себя: где я и что со мной. Прости, Таня, но мне надо бежать. Я попал в большую беду. В очень большую. Некогда сейчас все объяснять, но документы, которые я прилагаю, могут, наверное, все рассказать. Пойди с ними в камеру хранения ж.-д. вокзала. Никому ничего не показывай и не рассказывай. Только так можем спастись и я, и ты. Извини, что я впутываю тебя в эту историю, но просто больше мне не к кому обратиться.

Жаль, что так все глупо получилось в нашем баре, да и потом тоже. Перед тем как я запечатаю конверт, я хочу сказать главное: я люблю тебя. Я тебя очень люблю. Надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся».

Таня глубоко вздохнула. Да-а... Вот это засада!

Она как предчувствовала: с Леной действительно что-то случилось. Что-то очень неладное. Куда-то он и вправду вляпался. Письмо не похоже ни на розыгрыш, ни на бред сумасшедшего, ни на пьяную выходку.

Оно действительно было написано почерком дико спешащего, отчаянно напуганного человека. И все-таки в нем имелась некая странность, нелогичность, а какая именно, Таня понять пока не могла. Может, излишняя многословность, которую трудно совместить со случайным телеграфным бланком, быстрым почерком, вообще всем образом человека, которому приходится *убегать*?

Ладно, отложим. Таня опустила Ленино письмо в сумочку и достала оттуда неловко разорванный ею конверт. На штемпеле, которым была погашена марка, значилось: вверху, по диаметру: ПОЧТА РОССИИ, внизу: КОСТРОВ, а номер почтового отделения или цеха отпечатался нечетко. Зато по центру штампа оказались явственно видны цифры: 21. 06.05, а еще 01. Насколько Таня разбиралась в почтовых фенечках, цифры эти означали, что марка была погашена в один час (последние две цифры) в ночь с двадцатого на двадцать первое, с воскресенья на понедельник. Значит, по крайней мере за три-четыре часа до этого, вечером в воскресенье, Леня еще был жив и находился в Кострове.

Впрочем, оборвала она себя, ничего этот штамп, по большому счету, не значит. Письмо мог бросить в ящик и любой другой человек, а сам Леня написал записку не в семь-восемь вечера в воскресенье, а раньше. Однако почему-то перед внутренним взором Тани вдруг возникла картина: Леня, взмыленный, всклокоченный, в нелепых шортиках и сандаликах, стоит

за столиком на привокзальной почте и лихорадочно пишет на обороте телеграфного бланка письмо... Почему ей привиделась именно привокзальная почта? Ну, это понятно: потому что в камере хранения железнодорожного вокзала он оставил *нечто*. В обмен на *нечто* ему дали квитанцию и номерок. Вот, кстати, и они: зеленый номерок с выдавленными белыми цифрами 113 и буквами КХКЖД (что, наверное, означало «камера хранения костровского железнодорожного вокзала»). А вот и квитанция: чернильным карандашом написано Шангин Л.И., а ниже – номер его паспорта. Количество мест – одно, принято 20.06. (в воскресенье) в 19.30. Значит, и вправду вечером в воскресенье в половине восьмого Ленчик был жив и здоров и оставил в камере хранения *нечто*.

Эх, что он за дурачок! Как же она получит вещь, положенную в камеру по его паспорту? Кто ей отдаст ее? Ладно, об этом можно подумать потом. И она по второму кругу достала из сумочки письмо – решила перечитать его. Отчим ее не раз учил: «После первого прочтения любого документа – даже газетной статьи или любовного письма – ты воспринимаешь не более сорока процентов содержащейся в нем информации. Любой важный документ надо читать дважды, а то и трижды».

Таня нетерпеливо пробежала взглядом по строчкам: *«...Мне надо бежать. Я попал в большую беду... Никому ничего не показывай и не рассказывай... Только так можем спастись... Я люблю тебя... Я тебя очень люблю...»*

Таня перевернула листок той стороной, где был разлинован телеграфный бланк, и тут заметила, что в правом верхнем углу написаны цифры. Написаны авторучкой: тем же Лениным спешащим почерком. Числа были такие:

15-114-103-104.

Четыре числа, разделенные черточками. Пятнадцать – сто четырнадцать – сто три – сто четыре.

Что это такое? Шифр? Похоже. Но что он значит?

Чей-то номер телефона? Но разве телефоны бывают... раз, два, три... одиннадцатизначными? В Кострове телефоны шестизначные, в Москве – семи. Сотовые «кривые» – десятизначные; междугородные – тоже... Может, впереди следует читать не единицу, а восьмерку? Тогда все получится складно: обычный междугородный или сотовый номер: 8-511-410-31-04. А может, первая единица – это код страны? И тогда выходит номер: 1-511-410-31-04. Единица, кстати, код Соединенных Штатов Америки. Таня это точно помнила, Тому не раз звонила.³ А дальше у Тома было, кажется, 406 – код его любимой Монтановщины.

«511» – тоже, наверное, код какого-то американского региона. Вот только чей конкретно? Что за город, штат или, может быть, сотовая сеть? Во всяком случае, решила Таня, она этот номер обязательно наберет. Естественно, не сейчас, в присутствии милиционеров, а позже. И на всякий случай будет звонить не из офиса. И, наверное, не из дома.

Однако цифры на Ленином бланке вполне могут оказаться не телефонным номером, а, скажем, каким-то PIN-кодом. Или паролем доступа. Или вообще чем угодно.

Но об этом мы подумаем потом, вечером, на досуге. Для начала надо выйти из «комнаты отдыха» – что-то она здесь засиделась, мильтоны могут заподозрить неладное. Таня посмотрела в зеркало над раковиной. Выглядела она на удивление неплохо: глаза сияют, румянец во всю щеку – шикарный, надо сказать, румянец, естественный, никакой косметикой подобного эффекта не добьешься. Она не раз замечала за собой парадоксальную реакцию: когда у нее проблемы, когда ей нужно действовать – она выглядит лучше всего. Может, и в самом деле,

³ Том Харвуд, американский писатель, возлюбленный Татьяны, действует в двух книгах Анны и Сергея Литвиновых: «Все девушки любят бриллианты» и «Второй раз не воскреснешь». Издательство «Эксмо».

«she loves troubles»?⁴ И, скажем, вместо визитов к косметологу ей лучше регулярно во что-нибудь вляпываться?!

Глядясь в зеркало, Таня прикинула план действий. Итак, нужно, во-первых, как можно скорее спровадить из офиса милиционеров. Затем приспособить Изольду Серафимовну, чтобы та наводила в офисе порядок, а самой бежать на вокзал за таинственной посылкой, оставленной Леной.

О том, говорить или нет милиционерам и о странном письме, и об исчезновении Лени, Таня даже не сомневалась. Конечно же, говорить ни слова не надо.

На то они и милиционеры, чтобы держать их от своих проблем подальше.

⁴ «Она любит неприятности» (англ.).

Глава 4

Леня

Он не спал уже вторые сутки. В первую ночь, с воскресенья на понедельник, забылся на пару минут на жесткой скамье электрички. Электричка грохотала. В коротком забытии он убежал от кого-то на бешено гремящем вертолете. Потом в вертолет попала ракета – «вертушку» дико тряхнуло. Это голова во сне ударилась о вагонное стекло. Он проснулся. Сердце бешено колотилось.

Скамейка электрички была жесткой – не то что сиденье машины. Но автомобиль пришлось бросить. По нему его бы вычислили в два счета. Первый же пост ГАИ – и его бы взяли. Менты наверняка срисовали номер его тачки. А зная номер, легче легкого установить личность. «Девятка» числится не за агентством – за ним лично. Значит, ему и отвечать.

На поезд дальнего следования он тоже не мог взять билет: надо предъявлять паспорт, а Леня не сомневался, что его уже ищут.

В ту первую ночь в электричке он, когда проснулся, все равно делал вид, что спит, прилоняясь к оконному стеклу, но, прикрывшись рукой, наблюдал за вагоном сквозь полуприщуренные веки. Словно в раннем-раннем детстве, когда прячешься, закрывая самому себе глаза руками.

Народу в вагоне почти не было. В разных концах дремали четыре человека. Тетка с баулами и пареньком лет двенадцати. Двое небритых алкоголиков. Пару раз по составу проходили двое милиционеров – покосились на Ленины шорты, но подходить не стали, отправились по вагонам дальше. Он счел это добрым предзнаменованием: значит, ищут его не так уж усердно. Но, скорее всего, до патрульных в электричке просто не успели довести его фамилию и приметы.

А может, трепыхнулась надежда, его и не ищут вовсе? Махнули рукой? Нет, это вряд ли. Увы. Он не может на это рассчитывать. Надо по-прежнему быть внимательным и осторожным. И всех опасаться. И во всем подозревать подвох. По крайней мере до тех пор, пока он не выберется за пределы Костровской области.

Электричка пришла на конечную станцию в половине второго ночи. Станция звалась Малярово. Она находилась на сто двадцать километров к северу от Кострова. Дальше электропоезда не ходили. Пассажиры куда-то быстро-быстро рассосались. На станции был крохотный вокзал.

Леня зашел в пустой и душный кассовый зал. Ближайший поезд на север проходил в четыре сорок пять утра: Анапа – Санкт-Петербург, стоянка две минуты. Но он по-прежнему боялся покупать билет: предъявлять в кассе паспорт очень рискованно. Срисуют в два счета. И даже если он решится ехать дальше поездом – зайцем или договорившись с проводницей, – все равно опасно ждать три часа на ночном вокзале. Он наверняка привлечет к себе внимание местных ментов.

Леня зашел в ночной буфет. Там было жарко. Помещение нагрелось за день и не успело остыть. Продавщица дремала на табурете. Ее крупное лицо с каплями пота безуспешно овеивал вентилятор. Леня попросил чашку растворимого кофе и бутылку минеральной воды. Продавщица нехотя вскипятила чайник, буркнула: «С вас двадцать один рубль». Может, спросить ее насчет ночлега, подумал было Леня, но, глянув на недовольную физию тетки, решил воздержаться. Получая сдачу с полтинника, он пересчитал наличность в портмоне. Вышло триста тридцать рублей. Совсем негусто. Была еще кредитная карта, но вряд ли ночью на станции

Малярово он найдет работающий банкомат. Леня подсадовал, что вечером в Кострове он забыл разжиться наличными. Впрочем, немудрено: в городе ему надо было успеть провернуть столько дел. Теперь у него единственная надежда – на сберкассы. Но их открытия придется ждать до утра. И потом: любая операция с кредитной картой – это тоже след. След, по которому его могут вычислить.

Леня залпом выпил воду, а потом кофе. Когда выходил из душного буфета, уже был весь мокрый от пота. На привокзальной площади оказалось прохладно, пустынно и полутемно. Ветерок приятно овеял разгоряченное тело.

Свет падал от двух фонарей на здании вокзальчика. На границе света и темени торчали двое бомбил рядом со своими «Жигулями». Видимо, ждали скорый из Москвы, следующий на юг, в Костров и далее к морю – он, если верить расписанию, придет через полчаса.

Надо зафрахтовать бомбилу, чтобы довез до автотрассы, решил Леня, а там видно будет. И в этот миг рядом с ним вырос молодой толстый милицейский сержант. Откуда он, черт побери, взялся? Милиционер неразборчиво представился, поднеся руку к козырьку, потом сказал сиплым голосом:

– Предъявите ваши документы.

Во рту сразу пересохло. Сердце застучало часто-часто.

Леня достал из барсетки паспорт, протянул сержанту. Украдкой осмотрелся. Мент был один. Ни напарника, никого вокруг. Только двое бомбил равнодушно посматривают в их сторону. Если что случится, симпатии водил явно окажутся не на стороне мента: милицию никто не любит, профессиональные водители тем более. Но вряд ли и Леня будет пользоваться у них симпатией: чужак, приезжий в шортиках. Бомбилы в любом случае сохраняют нейтралитет. А больше никого поблизости не видно, включая других мусоров. Леня украдкой оглядел мента.

Сержант коренастый, обрюзглый, ростом невысок. На поясе болтается дубинка. Из кобуры выглядывает «макаров». Может, все обойдется, и это обычная бдительность, может, до сержанта еще не дошла ориентировка на Леню, и его сейчас отпустят. Боже, сделай, чтобы случилось именно так!

– Откуда следуете? – спросил сержант, перелистывая паспорт.

– Из Кострова.

– Местная регистрация есть?

– Так точно, товарищ лейтенант, зарегистрирован в городе Кострове.

«Все, что угодно, хоть полковником его называть, лишь бы отпустил».

– Зачем к нам в город прибыли?

Леня на секунду замялся, и его заминка от сержанта не укрылось.

– К девушке приехал.

– Что за девушка? Где проживает?

– Девушку зовут Лена, – импровизировал на ходу Леня. – Где проживает, не знаю, у меня есть только ее телефон.

– Номер телефона?

Сержант держал паспорт Шангина в опущенной руке, а его глазки пристально шарили по Лениному лицу.

– Девушка замужем, – вроде бы замялся тот, – и мне не хотелось бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.